

Литрес

ГРИГОРИЙ
ШАРГОРОДСКИЙ

ОЦЕНЩИК
ПОЕДИНЩИК ПОНЕВОЛЕ

Григорий Константинович Шаргородский

Оценщик. Поединщик поневоле

Серия «Оценщик», книга 4

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70402390

Аннотация

Все обитающие в магической Женеве оценщики рано или поздно становятся коллекционерами. Когда нам в руки попадают произведения искусства, наполненные энергией Творения, желание обладать ими становится практически непреодолимым. Что уж говорить о вещах, в которых зародились энергетические сущности. Не думал я, что когда-нибудь стану чахнуть над чем-то, словно Кошей над золотом, но экспонаты моей мини-коллекции приобрели для меня какую-то сакральную ценность. Особенно это касается Белого шипа – волшебной палочки, добытой в относительно честном бою. Увы, мечтая о перспективах, которые открывает обладание уникальным артефактом, я забыл, что эльфы считают Шип своей реликвией. И вроде, стоило бы поступить разумно и отдать слишком токсичный актив, но вот в чем закавыка – ушастые решили, что непременно условием передачи палочки является моя гибель в ритуальном поединке. А вот на это я, по вполне понятным причинам, совершенно не согласен.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	41
Глава 3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Григорий Шаргородский Оценщик.

Поединщик поневоле

Пролог

Об этом потайном участке Диколесья знали лишь пять князей-изгоев и очень узкий круг их приближенных. Основная часть небольшой пятнадцатитысячной общины тех, кто ради мира с местными вынужден называть себя эльфами, знала немногим больше, чем остальные жители магической Женевы, включая гоблинов и орков. Для простых смертных Диколесье, заросшее якобы вышедшей из-под контроля дикой лианой, – это ошибка эльфийских Изменяющих жизнь, сделавшая недоступной для нормальной жизни большой участок территории, насыщенной магией из другого мира.

Князь Энха-ох-каана медленно шел по едва угадываемой в изумрудной траве тропинке. Он был погружен в свои мысли, но блуждающий взгляд все равно цеплялся за белое кружево лиан. В отличие от остального пространства Диколесья на этом участке удалось привить грубому подобию благородный цвет лиан из заповедных рощ родного мира. Там они

были всего лишь оформлением и симбионтами для велико-
лепных Первых древ, а здесь шипастые растительные хищ-
ники являлись полноправными хозяевами.

В сердце Диколесья, которое находилось вдали от лишних
ушей разных форм и цветов, проходили совещания совета
князей-изгоев. Тот факт, что приходилось прятаться, вызы-
вал раздражение у Урагана-в-ночи, но это было сущей безде-
лицей по сравнению с теми унижениями, которые корежили
честь Урагана после переселения в этот мир. Да, на родине
он стал изгоем, у которого остался лишь выбор между бег-
ством и смертью всего его рода. Он выбрал бегство и знал,
что придется не только терпеть унижение положения бегле-
ца, равноправного с низшими расами бывших рабов, но и
покорно учитывать интересы более примитивных существ –
хозяев нового мира. Но все это было лишь отголоском буй-
ства прежнего гонора, который теперь увял как листья над-
ломленной ветви. И все ради того, чтобы сохранить жизнь
себе и своим близким.

Князь выбросил из головы лишние мысли и ускорил шаг.
Ему предстоял тяжелый разговор с братьями по несча-
стью изгнания. Именно ради таких тайных встреч и прихо-
дилось прятаться в глубине Диколесья. Только так удавалось
надежно скрыть информацию, крайне важную для выжива-
ния ростка древнейшей расы в новом мире. Электронные
устройства хуманов заползали в любую щель, как насеко-
мые. В языке человеков даже было соответствующее назва-

ние: жучки. Магия эльфов все еще не могла гарантированно отслеживать все из этих устройств, потому что артефактами они не являлись и не несли ни крохи магии. Но сюда, в сердце Диколесья этим мерзким неживым насекомым проникнуть не удастся. А уж с предсказателями и шаманами двух рас бывших рабов помощники князей справятся играючи. Магия – это стихия высшей расы, а потуги рабов всего лишь жалкие кривляния.

Совет изначально пошел по неправильному пути, что неудивительно, ведь из пяти тронов, которые заботливо сплели для своих господ побег белых лиан, сейчас занято лишь четыре, а это создавало паритет голосов, нарушавших былую гармонию. Досадный факт выводил Урагана из себя. Несвойственная его расе вспыльчивость была личным бичом князя. Порой вырвавшиеся из тисков контроля эмоции не давали принимать взвешенные решения, и за то, что они вновь начали прорываться наружу, кто-то заплатит своей жизнью. Именно за это, а не за смерть повредившегося умом, но все же блистательного Шипа-пронзающего-суть.

Но не только Урагану сегодня с трудом удавалось справляться со своими эмоциями. Мало того, его известная борьба с собственными страстями позволяла внешне контролировать себя немного лучше других князей-изгоев. Взгляд на практически опустившихся до уровня склочных гоблинов сородичей позволил Урагану окончательно справиться с собственным раздражением и понять, что в подобной склоке

есть и определенная польза.

Он давно мог бы поставить точку в этом споре, но проявить здравомыслие и выступить инициатором решения, которое по большому счету было очевидным для всех присутствующих, мог лишь один из князей. Но Корень-среди-каменной почему-то медлил.

Наконец-то единственный из князей, не имеющий в этом мире ни одного ребенка, поднял руку, призывая остальных к молчанию. Достоинство представителей высшей расы не позволило спорщикам проигнорировать этот ритуальный жест.

– Мы понапрасну гоняем ветер, уподобляясь мерзким земноводным, – чуть скрипучим голосом заговорил князь-изгой, восседавший на ажурной живой конструкции с торчащими во все стороны, но не причинявшими седоку никакого неудобства, шипами. – Выбора у нас все равно нет. Шип-пронзающий-суть не оставил после себя наследника. Пятый трон пустовать не может. Никто из глав младших родов не способен занять его, потому что не обладает достаточно чистой кровью, поэтому его займет кто-то из наших детей. Ваших детей.

Последнюю фразу он словно выплюнул, явно чувствуя себя ущербным среди тех, кто смог все же даровать вселенной новый побег на родовом древе.

– Совет, без сомнения, мудрый, – тут же заговорил Ветер-в-кроне, – но он не делает ситуацию проще. Кто имен-

но из наших наследников займет пятый трон? У меня и у Миража-в-тумане по двое сыновей. У Урагана-в-ночи всего лишь один.

– Возможно, жребий? Пусть это будет воля богов, – подал голос Мираж-в-тумане, чем вызвал у остальных раздраженное шипение.

Окажись здесь кто-то из людей, подумал бы, что угодил в гнездо гремучих змей.

– Мираж, кого ты хочешь обмануть? – выразил общее мнение Ураган. – О честности и воле богов ты будешь рассказывать наивным хуманам, которые надеются выиграть хоть что-то в твоих казино. Выбор не может быть случайным. Пятый трон должен занять самый достойный. Все мы знаем, что после смерти Аттай-Оол-Анна пропало величайшее сокровище нашей расы – Белый Шип.

– Да, мы знаем об этой досадной потере, – грубо перебил князя Корень, – но как пропавшая волшебная палочка поможет нам в выборе достойного занять пятый трон?

– Именно достойный сумеет найти сокровище нашей расы и завладеть им. Кто отыщет Белый Шип, тот и станет пятым князем.

– Кажется, теперь ты хочешь нас обмануть, – явно решил отыгаться за упрек в нечестности Мираж-в-тумане. Мы знаем, что тебе удалось прикормить многих из городского совета. Уверен, ты уже знаешь, в каком из складов конфискованного добра лежит Белый Шип, и остается лишь за-

брать его.

Раздражение опять заворочалось в груди Урагана, грозя приступом безумия, а этого допустить никак нельзя. Поэтому князь глубоко вздохнул, выпуская воздух сквозь носовые щели, и впился острым взглядом в лицо Миража.

– У тебя есть предложение получше? Конечно, кроме идеи решить нашу судьбу броском заговоренных дощечек.

Мираж пропустил намек на шулерство мимо своих острых ушей и тут же выдал собственную идею:

– Не так уж важно, кто найдет палочку. Да честь ему и хвала, но он должен согласиться на дуэль с каждым из претендентов. Мы ведь знаем, каким именно образом Белый Шип выбирает себе истинного хозяина.

– Нет, – тут же отреагировал обеспокоенный Ураган.

Он знал способности своего сына в искусстве магического боя. Но осилить поочередно четверых соперников Отголосок-великого-урагана точно не сможет. Казалось, сейчас снова начнется свара, но вмешался бездетный Корень:

– Нельзя принижать достижение того, кто отыщет Белый Шип. Пусть остальные сразятся между собой, а победитель вступит в бой за обладание и трон и реликвией с тем, кто найдет реликвию.

Все трое яростно смотревших друг на друга князей-изгоев замерли, обдумывая эту идею. Понравилась она не всем, но это был единственный разумный способ вернуть эльфийский совет к привычной гармонии. Для человека, гоблина и

тем более орка такое решение могло показаться странным. Ведь никакой гармонии не будет, если пятый трон займет сын одного из князей. Образовавшийся дуэт получит необычайную силу. Но для эльфов такой проблемы не существовало. Отголосок-великого-урагана, вечно находившийся в тени своего отца, получив собственное имя, титул и место в Совете, наверняка станет самым яростным соперником своего родителя. То же самое касалось и остальных отпрысков князей-изгоев. У тех, кто считал себя высшей расой, конфликт поколений имел особый смысл. Любой из остроухих родителей, случись им прочесть знаменитый роман Тургенева, лишь снисходительно улыбнется ничтожности проблем примитивных хуманов.

Так что Ураган совсем не надеялся на усиление своих позиций в совете. Он преследовал иную цель. Уже несколько десятилетий князь чувствует недобрый взгляд сына, обжигающий ему спину. Ураган не сомневался, что Отголосок рано или поздно решится, как решился он сам, убить своего родителя. Да, тогда он поспешил, и приступ бешенства испортил продуманный план. Все получилось коряво, и пришлось бежать в другой мир. Но Ураган верил в ум и силу своего сына, так что нужно предоставить ему шанс получить княжеский титул, не переступая через труп отца.

Часть первая

Глава 1

– Эт ву пре? – разлетелся по залу хриплый голос, который неопытное ухо могло бы спутать с орочьим, но издавший его человек мало того, что не обладал зеленой кожей, так еще и ростом был мне по плечо. И вообще, тренер по магическому фехтованию лично мне больше напоминал моего же учителя физкультуры из детдома. Сходство, конечно, отдаленное, и то если приделать бывшему жокею лихо закрученные усы и бородку клинышком в испанском стиле. Облаченный в классический костюм для спортивного фехтования, но без характерного шлема, невысокий испанец, не дождавшись от стоящих на длинном помосте соперников никакой реакции, резко гаркнул:

– Ангард!

Застывшие метрах в десяти друг от друга на невысоком возвышении, одетые точно так же, как и тренер, но все же с сетчатыми шлемами на головах, фехтовальщики чуть раскорячились, готовясь к бою. Правда, на костюмах и шлемах ассоциация с фехтовальными соревнованиями и заканчивалась, особенно учитывая, что вместо шпаг у соперников в руках были стандартные волшебные палочки. Сейчас я уже

привык, а первое время у меня постоянно возникало ощущение какого-то косплея под Гарри Поттера. Не хватало только скачущих чудаков с зажатыми между ногами метлами. Такие непрошенные фантазии быстро вылетели из головы после пары полетов от пропущенных кинетических ударов.

Сейчас на помосте выступали старшие ученики маэстро Марреро, поэтому ни один из них не использовал щитовик, орудую только волшебной палочкой как виртуальной шпагой. Оба соперника сделали практически одинаковые взмахи палочками перед собой, но это лишь казалось каким-то приветственным ритуалом. На самом деле они сплетали мобильные щиты. До сферической защиты, которую могли в мгновение ока создать настоящие мастера магического фехтования, даже этим парням было еще далековато. В основном они пользовались неким аналогом того, что создает мой щитовик, но плавающим вокруг хозяина без малейшей материальной опоры и управляемым силой мысли.

Закончив с созданием защиты, бойцы тут же перешли к более активным действиям. Расстояние между соперниками все еще оставалось солидным. Пока они перебрасывались силовыми плетениями, пытаясь пробить защиту друг друга. Первые атаки были прямыми и бесхитростными, по большому счету исключительно ради зрелищности. Вспыхивающие от ударов силовые щиты и свечение расплескивавшейся в пространстве энергии от нейтрализации заклинаний действительно выглядели феерически. Помню, как я увидел это

в первый раз, так сказать, вживую. Честно говоря, не уверен, что вовремя успел захлопнуть открывшийся по причине отвисшей челюсти рот.

Да, нечто подобное я видел сотни раз в видеороликах, причем в исполнении куда более крутых чародеев, но вживую все ощущалось совсем по-другому. Мало того, что пространство содрогалось от хлопков распадающихся силовых печатей, так еще я чувствовал феерический танец столкновения энергий творения и разрушения. Порой приходилось отключать свой дар, чтобы не упустить мелкие, но очень важные детали, ради которых старшие ученики мастера и устраивали все это представление.

Лобовые удары соперников перешли в более хитрые и сложные заклинания, которые порой огибали соперников, норовя ударить с неожиданной стороны, миновав мобильный щит, но пока дуэлянтам удавалось либо подставлять под каверзные прилеты легко реагирующие на усилия воли силовые плоскости, либо создавать на пути малые одноразовые щиты, сплетаемые одним небрежным движением волшебной палочки. А то и вовсе конструкты сталкивались, уничтожая друг друга.

Бой продлился не более трех минут и закончился ничей, как и все аналогичные представления. Старшие ученики маэстро были слишком амбициозными, и проигрывать в показательной схватке никто из них не желал, а если бы была поставлена задача завершить бой победой, то мы бы увидели

серьезную драку, которую на обычном фехтовальном помосте не проведешь. Здесь нужна защищенная силовыми полями арена, так что парни после команды учителя вальяжно изобразили короткие ритуальные поклоны и разошлись.

Ну а мы приготовились к предстоящим испытаниям и, возможно, унижениям. Мы – это я, Золушка, Одуванчик и Хомяк. Да, ученичество давалось непросто, причем не только для организма, но и для чувства собственного достоинства. Конечно, можно было бы плюнуть и уйти к более интеллигентному учителю, но Бисквит и Иваныч в один голос заявляли, что лучше этого в городе не найти. Точнее, есть спец куда круче, но доступ к нему для меня закрыт по причинам, кои мне знать не положено. Впрочем, дон Пабло, которого мой единственный русскоязычный соученик Митя Одуванчик чуть ли не в глаза называл доном Падло, надеясь, что тот воспримет это как особенности акцента, не был таким уж тираном и абыюзером. Честно говоря, его подколки давали больше пользы, чем мягкие увещевания.

Кстати, я тоже очень надеялся на непонятливость тренера, иначе Митяю так влетит, что его обычный одуванчиковый стресс покажется легким и веселым развлечением.

– Ну что, неженки, – прокаркал наш учитель, когда его старшие ученики покинули помост, – кто первый сегодня хочет полетать?

Блин, опять почувствовал себя как на уроке Бабы-яги – детдомовской директрисы. И как такому мозгляку удастся

довести взрослых, битых жизнью мужиков до подобного запуганного состояния?!

Кажется, зря я так громко думаю, потому что взгляд дона Пабло переместился на меня.

– Танцор, по глазам вижу, что ты просто жаждешь сплясать нам что-нибудь заковыристое.

Да, это он обо мне. Как и наклеенная бандосами погрома Псих, новое прозвище заставляло внутренне морщиться. Впрочем, получил я его не просто так, и, как сам уже успел подметить, именно постоянное упоминание моих танцевальных талантов заставляет уделять больше внимания движениям ног во время тренировочных боев.

В ответ я ничего говорить не стал, лишь подавил грустный вздох и, нацепив на себя шлем, полез на фехтовальный помост. Перед тем как снять волшебную палочку с пояса, по въевшейся привычке сначала едва прикоснулся к ней кончиком пальца. Шип уже давно перестал долбить меня маленькими разрядами при каждом прикосновении, но рефлекс все равно остался.

В этот раз сидящая внутри палочки энергетическая сущность бузить не стала, видно надоело ей это дело, особенно после всех усилий, с которыми она в самом начале нашего общения пыталась показать мне и Бисквиту свой непростой норов.

Уже основательно взявшись за рукоять, я достал палочку из чехла и на всякий случай скользнул взглядом по ограни-

чительному кольцу. Предохранитель был выставлен на третий уровень, так что ничего моему учителю не грозило. Впрочем, даже если бы уровень предохранителя был нулевым, дон Пабло справился бы без проблем. По крайней мере, я на это надеялся, потому что, если сидящая в палочке сущность взбрыкнет, очередной удар вполне мог сделать испанца еще короче. В храме богини Вечной весны таких укороченных мы с Шипом настрогали с полдюжины.

– Эт ву пре? – уточнил учитель.

Я в ответ кивнул, и он тут же разразился своим любимым торжествующим карканьем:

– Анггард!

Это был уже не первый и даже не десятый наш учебный бой, поэтому я впопыхах запустил щит, благо доставал стикер щитовика на одних рефлексх – только подумал, а он уже в левой руке. Спешка была вполне оправдана, потому что не хотелось прямо с первых секунд боя получить кинетической печатью в голову. А ведь он явно собирался это сделать, потому что меня вместе со щитом даже качнуло от мощного удара в верхнюю кромку силового поля. Благо это не какой-нибудь римский skutum – силовое поле работает по иным физическим законам, и мне не грозило получить кромкой в шлем. Энергетический щит хорошо гасил кинетику, впрочем, как и другие воздействия, нужно лишь не зевать.

Испанец сплетал и запускал в меня заклинания со скоро-

стью если не пулемета, то полуавтоматического дробовика точно. В данный момент моей главной задачей было определить по энергетическому колебанию, цвету и даже звуку направленность заклинаний, чтобы вовремя сменить структуру щита и достойно принять атаку. Вот как раз с этим проблем не было, потому что я обладал таким читом, как мой дар. Нет, он не позволял видеть внутреннюю структуру самих печатей, зато я чувствовал каркас из энергии творения и вовремя успевал реагировать, за что иногда получал греющую самолюбие похвалу от скуповатого на это дело испанца.

Было немного стыдно перед не обладавшими даром и тем более таким продвинутым щитом соучениками, но я так никому и не признался в читерстве. И дело тут не в честности – в таких вещах от секретности может зависеть жизнь.

– Хватит танцевать! Сосредоточься! – вместе с заклинаниями прилетел ко мне каркающий упрек учителя.

Ну вот опять! Увлечшись защитой, я и сам не заметил, как начал понемногу отступать, при этом двигая ногами не как положено уважающему себя фехтовальщику. Я как-то привык в боевых ситуациях не стоять столбом, а активно уклоняться, смещаясь и сбивая сопернику прицел, но учитель был классическим фехтовальщиком и подобные излишества не одобрял. Можно было бы с ним поспорить, что если надо, то и кувырок придется в тему, но я сюда хожу не за тем, чтобы проводить теоретические диспуты.

Ругнувшись под нос, я встал в классическую позицию, но

пробыл в ней недолго. Наконец-то поймал паузу в прилетающих ударах, чуть деформировал щит и, как мне казалось, лихо сплетя кинетическую печать, запустил ее в учителя. Она не долетела даже до середины пути, встретившись с очередной печатью дона Пабло. Маленький фейерверк дал мне еще пару секунд форы, и я решил зайти с козырей. Выставив щит практически клином, рванул вперед, одновременно с этим формируя силовое лезвие на палочке. Это было единственное заклинание, которое я смутно запомнил из того боя в храме. Благодаря ему палочка превращалась в подобие джедайского меча.

Благодаря отсутствию шлема я хорошо рассмотрел недовольную гримасу на лице испанца и сразу внутренне содрогнулся, понимая, что это недовольство сейчас выльется во что-то очень неприятное и болезненное. Так оно и вышло. Следующее плетение оказалось мощнее, и мой щит буквально закрипел, грозя вот-вот распасться. Не помогла ни клиновидная форма, благодаря которой заклинание должно было уйти в сторону, ни мои новые навыки в подпитке силового каркаса печати. А я-то так гордился тем, что научался латать свой щит прямо во время боя, не допуская его разрушения. Благодаря этому не нужно было тратить на плетение нового!

Скрип оказался зловещим предзнаменованием, и через секунду я услышал знакомо-неприятный звон разлетевшейся печати. Сплести из рун новую для меня дело буквально

пары секунд, но кто бы мне их дал.

Даже пробовать не стал, а встретил следующее заклинение учителя ударом уже сформировавшегося силового клинка. Конструкт испанца ожидаемо разлетелся искрами, но следующий же энергетический снаряд вильнул прямо под силовую кромку и так зарядил мне в грудь, что, несмотря на движение вперед, тело отбросило назад метра на два. Хорошо хоть, площадь кинетической печати была довольно большой, так что больнее было падать на спину, чем получать удар.

– Плохо, ученик, очень плохо. – С каждым шагом вперед учитель вколачивал гвозди пренебрежения в мое разбухшее самомнение. – Я лишаю тебе звания Танцора, теперь ты Тортуга.

Не понял, причем здесь пиратский остров? Только через секунду я понял, что меня обозвали черепахой.

– Учитель, почему черепаха? – спросил я, с кряхтением поднимаясь на ноги, при этом даже не думая обижаться.

Мне-то как раз показалось, что я был быстр и стремителен.

– Потому что ты, подобно черепахе, либо надеешься на свой панцирь, либо атакуешь, забыв о защите. Да, твой щит хорош, но палочка слушается плохо, и я не могу понять, в чем проблема. Нужно больше тренироваться и вылезать из своего панциря. Я все же советовал бы тебе отказаться от боя со щитовиком, сосредоточившись именно на владении

палочкой и мобильными щитами.

– Учитель, мы же обговаривали это, – сказал я, чуть понизив в голос, чтобы не слышали другие присутствующие в зале. – Без щитовика мне не выжить.

– Да, – с явным нежеланием кивнул испанец. – Секатор пояснил мне твою ситуацию. Очень жаль. Я чувствую в тебе талант, но порой жизнь подбрасывает нам задачи, которые просто невозможно решить.

Едва закончив с философствованиями, дон Пабло резко повернулся и гаркнул:

– Одуванчик, твоя очередь! Ты еще не постригся налысо?

Вместо ответа обладатель шикарной русой шевелюры нахлобучил на голову шлем и поплелся к фехтовальному подиуму с таким видом, словно это помост с гильотиной. Я же, двигая плечами, чтобы оценить последствия падения, вернулся на свое место и с наслаждением уселся на лавку. В голову в очередной раз полезли мысли о возможно ошибочном решении оставить у себя палочку эльфийского князя. Учитель прав, я пару недель назад для эксперимента купил в магазине недорогую волшебную палочку, и с ней плетение уже знакомых печатей было как бы не проще, чем с носителем энергетической сущности. Шип явно тормозил мое развитие, но при этом интуиция буквально вопила, что, если мне когда-нибудь удастся договориться с упрямым энергетическом клоном древнего эльфа, границы моих возможностей резко расширятся.

Что касается щитовика, то от него я точно не откажусь. Выступать на фехтовальных соревнованиях у меня нет ни малейшего желания, а в сложных ситуациях револьвер будет понадежнее любой палочки. Особенно учитывая, что боевые плетения пожирают запасы Живой силы, как Бентли Метеор сжигает бензин. Честно говоря, я возился с палочкой из чистого упрямства, которое уже начинает пахнуть нездоровой манией, особенно если вспомнить, сколько мы с Бисквитом промучились, пытаясь замаскировать ее и нацепить предохранительное кольцо. Основу маскировки, которую я натягивал на Шип словно презерватив, удалось активировать только с небольшой поломкой станка, в котором проходило финальное формирование внешней экранирующей оболочки-обманки. Теперь на вид палочка казалась вполне себе заурядной, что вызывало раздражение внутренней сущности. Предохранительное кольцо, предназначенное для повышения безопасности в тренировочных боях, также обычно цеплялось просто вручную. Но за таких битых, как я, дают не троих, а добрый десяток небитых, поэтому это мы с Бисквитом сделали все на том же многострадальном станке. Благо оборудование было старым и Бисквит хоть и строил из себя убитого горем погорельца, но в конце признался, что давно хотел поменять силовой манипулятор для сборки опасных артефактов на новую модель. А менять пришлось. Притом что в самой палочке энергии было с гулькины нос, станок сущность развалила на мелкие части. Вид бедного аг-

регата до сих пор всплывает в памяти, когда я задумываюсь о перспективах освоения древнего артефакта.

За размышлениями о моих непростых отношениях с собственной волшебной палочкой, как бы это двусмысленно ни звучало, я практически пропустил весь тренировочный бой учителя с Митяем. Ему тоже пришлось немного полетать, да еще и подергаться в финале словно эпилептику. К лавке для отдыха он шел по сложной траектории и немного подергивая руками. Бедолага рухнул рядом со мной, явно не собираясь снимать шлем, и всем было понятно, по какой причине.

– Хватит строить из себя недотрогу. Чего ты выеживаешься? – попытался успокоить я своего товарища по учебно-мазохистическим страданиям. – Можно подумать, тут кто-то удивится. Привыкли уже давно. Снимай, не мучайся.

Мой сочувственно-убаюкивающий тон успокоил Одуванчика, и он все же снял шлем. Вот теперь даже непосвященным было видно, почему он получил свое прозвище. Шикарная русая шевелюра стояла дыбом. Куда там самым отбитым любителям прически в стиле афро. Мало того, между ставшими колом волосами иногда пробегали электрические разряды. Я тут же направил на него телефон и сделал снимок. Будет в моей коллекции еще одно интересное фото. Оно каждый раз получается по-новому.

Как у меня с постановкой ног, так у Мити были проблемы с модификацией щита под отражение конструкторов-молний. Вот учитель и долбит его практически только ими. Так что в

конце тренировки всегда получается такой вот пушистый результат. Не говоря уже о постоянной стимуляции малопривлекательными электроразрядами. Я один раз пропустил такой, так что знаю, о чем говорю.

– Ну вот что ты за сволочь такая, Назар? – без особого возмущения, с какой-то обреченностью пробурчал Митя.

– Думаешь, я не знаю! Сам мучаюсь. Знаешь, как трудно жить с таким характером? – с видом глубоко страдающего человека отреагировал я на упрек.

Вот чем мне нравится Митя, так это абсолютно незлобным характером. И это притом что он работает в жандармерии, и не постовым каким-то, а следаком, и Бисквит уверяет, что получается у него лихо и временами жестко.

Пока мы общались, закончились еще две тренировочные схватки с учителем Золушки и Хомяка. С последним все понятно с первого взгляда – он был крайне неповоротливым. А вот у китайца с плохо выговариваемым именем проблема была схожая с Митиной. Только в его случае слабо работала защита от огненных конструкторов. Так-то поджечь тренировочный костюм невозможно. Он был пошит из специального заговоренного материала. И все же от прикосновения зажигательных плетений даже в ослабленном виде ткань хоть и не повреждалась, но покрывалась легкосмываемым сероватым налетом. В итоге после тренировки Золушка всегда выглядел слегка подкопченным.

Получив положенную порцию унижений от учителя, мы

перешли к спаррингам с постоянной сменой соперников, но они были предельно скучными, как и последующая отработка печатей в специальном тире. Прохаживающийся за нашими спинами дон Пабло в очередной раз сокрушался над моей тугой работой с волшебной палочкой. Опять в голову полезли мысли о ежике и кактусе. Может, действительно забросить Шип в сейф и купить себе нормальный инструмент? Но тут же вспомнились слова Бисквита о том, что артефакты работы таких великих мастеров, как давно окочурившийся ушастый, позволяют работать с магическими потоками на таком тонком уровне, что изделия современных эльфов и тем более поделки человеческих артефакторов рядом не лежали. Да что уж там, я сам помню то удивительное ощущение всемогущества, которое дарил бой, проведенный со снисходительного разрешения сидящей в палочке сущности. Очень хотелось повторить, да и мое природное упрямство не давало отступить перед несговорчивостью какого-то псевдоразума. В конце концов, вредная сущность состоит из энергии творения, а я являюсь одним из лучших специалистов по онай в Женеве.

Благодаря общению с Секатором тренер знал особенности моей повседневной жизни, поэтому не заставил выжимать весь свой запас Живой силы, оставив где-то четверть, чтобы можно было и от супостата отбиться, и оценку провести. А вот остальных он выдоил досуха, и выглядели парни после тренировки не ахти. Ни с японцем, ни с низкорослым гре-

ком мы особо не общались, да и отношения с Митей вряд ли можно было назвать дружбой, но иногда после тренировок заглядывали в кафе, обсуждая злобность и коварство нашего учителя. Сегодня от предложения посидеть за чашечкой кофе с капелькой коньяка пришлось отказаться – через час у меня встреча с клиентом, и нужно подготовиться.

Фехтовальная школа находилась в коммуне Эр-ла-Виль, но здесь только название напоминало о французско-швейцарской культуре, потому что даже старые дома были либо отремонтированы, либо фундаментально перестроены в испанском стиле, и казалось, что меня забросило куда-то на улицы Севильи. Многие из национальных районов Женевы приобретали свое уникальное лицо. Больше всего в этом деле преуспели, можно сказать, оккупировавшие старый центр китайцы, но и испанцы тоже оказались щепетильными в вопросе ностальгии. Они даже убрали почти весь асфальт в районе и вымостили улицы брусчаткой.

Собственной парковки у школы не было, поэтому мне пришлось пройти метров двести до небольшой площади и уже здесь, так сказать, воссоединиться со своим транспортным средством. Не скажу, что с детства мечтал стать наездником стального коня, но однажды, когда Бисквит в очередной раз назло контролирующим его бюджет старейшинам менял машину в автосалоне, я не сдержался. Настоящие байкеры с презрением сказали бы, что ездить на электробайке недопустимо, но я-то байкер ненастоящий, причем никаким

боком. Просто меня покорили футуристические обводы шикарного черного Деймона Гиперфайтера, и захотелось такой вот экзотики. Цена немного кусалась, но оно того стоило. Честно говоря, больше расстроили траты на экипировку и парковочное оборудование у меня дома. Впрочем, не особо я и огорчился: денег хватало, и чахнуть над ними подобно Плюшкину я не собирался.

Да, ощущения совсем не такие, как могли бы быть от поездки на «харлее», и жужжание с легким свистом дает ощущение передвижения на каком-то скутере, но все же свой транспорт – это серьезный плюс. Водить легковые авто я не люблю, тем более не понимаю извращенцев, готовых десять минут идти до парковки, а затем пять минут ехать на машине. С другой стороны, мое не совсем правильно сформировавшееся в детском доме чувство собственного достоинства не позволяло раскатывать на велосипеде или тем более самокате. В общем, это приобретение стало компромиссом, удовлетворившим множество факторов.

До дома я добрался меньше чем за пятнадцать минут, примерно столько иногда приходилось ждать «Убер». Рядом с каменным крыльцом, ведущим к моей входной двери, появилась конструкция, отдаленным и очень бедным родственником которой является велопарковка. Уверен, соседи считают, что я испортил аутентичный ансамбль улицы, но мне как-то было по фигу: городская администрация разрешения выдала, а со всеми остальными претензиями они пусть идут

к своим психотерапевтам. Впрочем, Заряна обещала при-
слать специалиста, который покроет стальные трубы особым
составом, что сделает их похожими на чугунное литье. Мо-
жет, тогда эти псевдоэстеты успокоятся.

Уже отработанным за несколько месяцев финтом я лихо
заехал на тротуар и завел электроцикл в железное стойло.
Стянув с головы шлем, быстро поднялся по ступеням крыль-
ца к своей двери. Отпирание замков давно стало эдаким ри-
туалом, упрощать который я не собирался, потому что это
давало дополнительное ощущение защищенности. В нашем
неспокойном городе только чувство абсолютной безопасно-
сти позволяет расслабиться.

Открыв дверь, я, не заходя в прихожую, нащупал на сте-
не переключатель и нажал на него. Металлическая конструк-
ция, в которой надежно угнездился байк, тут же пришла
в движение, и транспортное средство словно ухнуло ку-
да-то вниз. Открывшийся проем тут же закрыла специаль-
ная стальная заслонка. Бисквиту пришлось помучиться, что-
бы надежно перекрыть эту брешь в обороне моего дома.
Устанавливая дополнительные контуры, он постоянно бур-
чал, что я мог бы оставлять байк на ближайшей парковке,
хотя у самого прямо под боком гараж на две машины. Когда
надоело слушать, я пригрозил, что пойду к другому артефак-
тору, и орк тут же заткнулся. Любой специалист такого вы-
сокого уровня послал бы меня в далекое эротическое путе-
шество, но для Бисквита моя безопасность почему-то стала

идеей фикс. Наверное, я хороший друг, что он так боится меня потерять. Впрочем, от мысли о том, что что-то плохое может случиться с зеленокожим здоровяком, меня тоже обдавало неприятным ознобом.

Чудны твои дела, Господи! Никогда у меня не было по-настоящему близких друзей, а тут сподобился один, да и тот нелюдь нелюдью. Ночью такого встретишь – обделаться можно, а вот гляди ж ты, как получилось.

Так как клиент у меня сегодня довольно представительный, хоть и живет в Сером городе, являться к нему в мотоциклетном костюме я посчитал невежливым, потому и определил свой байк в подвал. Заметив, что я спешу, прибежавший меня встречать Тик-так что-то приветственно пискнул и убежал обратно на чердачную оранжерею. В последнее время мышоур там практически поселился, помогая моей соседке-зельеварке. Пока ущерба для порядка и чистоты в доме это не несло. Впрочем, он мне не раб, и если забьет на уборку, огорчусь, но напрягать его не стану. Хотя и жуть как не хочется снова браться за швабру.

Быстро переодевшись в один из своих самых дорогих костюмов, я прихватил саквояж с инструментами и, спустившись по ступеням крыльца, забрался на заднее сиденье уже ждавшего меня «Убера». Лишь недавно я перестал высчитывать, сколько сэкономил бы времени и денег, если бы постоянно ездил на байке, – пришло понимание, что под каждую ситуацию нужен свой инструмент. По той же причине

и таскаю с собой старинного вида саквояж, когда-то прихваченный больше для имиджа, чем для реальных нужд. Раньше он практически пустовал, а сейчас был доверху набит по-настоящему нужными вещами.

С клиентом я общался только по телефону, но встретивший меня на пороге пусть и небольшого, но дорогого и представительного особняка человек выглядел именно так, как я его себе представлял. Невысокий, с легкой склонностью к полноте англичанин полностью разрушал стереотип о своих соотечественниках как чопорных и надменных джентльменах, словно специальнодвигающихся и даже говорящих в стиле слоу-мо. Этот был немного суетным, слегка рассеянным и до предела дружелюбным. Возможно, его стиль поведения был обусловлен легкой взволнованностью, которую я и явился либо развеять, либо усугубить – смотря как пройдет оценка.

– Месье Петров, рад вас видеть! – по-французски поприветствовал меня хозяин особняка, тут же отошел в сторону, давая возможность пройти в гостиную. Еще разговаривая по телефону, он понял, что мой английский оставляет желать лучшего, и сам перешел на французский, которым владел в совершенстве с едва заметным акцентом. – Проходите. Может, хотите чаю?

Стоявшая неподалеку служанка тут же сделала стойку, но я лишь мотнул головой:

– Нет, месье Макнил, благодарю, думаю мы все же сначала

ла займемся возникшими у вас сложностями, а уже затем, возможно, выпьем чаю.

– Хорошо, давайте так и сделаем, – с явным облегчением проговорил этот немного суетный человек и после приглашающего жеста добавил: – Прошу за мной.

Мы прошли мимо лестницы на второй этаж и через пару минут оказались у массивной дубовой двери. Макнил на секунду замер, перед тем как открыть двери. Казалось, что ему не совсем уютно в собственном доме. Подобное поведение напрягло меня, и сразу вспомнилось посещение кабинета с висящим на стене триптихом голландского мастера. Если и здесь проявилась какая-нибудь зловредная сущность, нужно быть очень осторожным. Впрочем, пока из тревожных признаков имеется лишь немного странное поведение самого англичанина – мой дар никак не реагировал на обстановку, да и особой концентрации энергии творения я не ощущал. Наконец-то хозяин дома решился и, словно ныряя в холодную воду, открыл дверь. Причем не пропустил меня вперед для собственной безопасности, а вошел сам, показывая, что никакого подвоха с его стороны ждать не стоит.

Не очень-то большой кабинет был оформлен в классическом английском стиле. Мне уже хватало знаний, чтобы разбираться даже в антикварном интерьере. Причем большинство вещей и предметов мебели, включая дубовые стенные панели, обладали небольшим зарядом энергии творения и точно не являлись репликами. Предмет моего дальнейшего

изучения мы с Макнилом обсудили заранее, поэтому я тут же нашел взглядом не очень крупное полотно, размером полтора на метр. Картина висела на противоположной от входа стене и должна была занимать место над массивным резным креслом у рабочего стола. Ну, сейчас кресло стояло в углу комнаты, да и вообще кабинет казался каким-то нежилым, что ли. Не исключаю, что хозяин не появлялся здесь уже несколько дней.

Заказчик как вошел в кабинет, сделав три шага вперед и два в сторону, чтобы мне было удобнее пройти, так и замер, замороженно смотря на картину. В принципе я его понимаю. В магическом городе хватает не только простых волшебников, чьи действия вполне вписываются в новые магические законы, но и мастеров проклятий, к которым остальные пусть и с большим скрипом, но уже привыкли. Так что вещами, которые, как говорится, находятся за гранью реальности, женевцев не удивишь, но вот проявления энергии творения, порой наделяющей творения гениальных мастеров не только определенными малообъяснимыми свойствами, немного нарушает общий психологический устой. Не говоря уж о зарождении энергетических сущностей. Не только простые маги, но и опытные чародеи относятся к таким непоняткам настороженно, как к привидениям и другим необъяснимым даже законами прикладной магии явлениям. Насколько я понял, сам Макнил является неплохим артефактором, но, столкнувшись с тем, что он не может ни

измерить с помощью магического инструментария, ни тем более прочувствовать, бедолага испытывал если не мистический ужас, то по крайней мере ощущение крайней настороженности. А если приплести сюда страшилки об энергетических сущностях, которые ходят по городу, то получается чистый хоррор.

– Что скажете? – спросил хозяин кабинета, не дождавшись, пока я параллельно с размышлениями закончу первичный осмотр картины. – Она как-то плохо влияет на меня? Там сидит опасная сущность?

Не люблю, когда меня отвлекают в такие моменты, но человек он вроде неплохой, и его переживания вызывали у меня искреннее сочувствие. К тому же уже сейчас было понятно, что никакой угрозы своему владельцу картина не несет. Теперь нужно понять, насколько она может быть ему полезна, ну, кроме того, что будет радовать взгляд и дарить эстетическое удовольствие. А еще выяснить, с чего он так переполошился. Я никакого дискомфорта не ощущал, и это было странно.

– Не беспокойтесь, энергетической сущности внутри нет. Заряд достаточно сильный, и определенными пока неизвестными мне свойствами картина точно обладает. Причем сразу могу сказать, что вредоносность их крайне сомнительна. Позвольте мне закончить оценку, и я дам более подробное и внятное заключение.

– Простите, месье Петров, я не хотел вас отвлекать. – Ан-

гличанин обезоруживающе выставил вперед ладони и даже сделал шаг назад к двери.

Вот как можно злиться на такого плюшевого интеллигента? Я ответил ему подбадривающей улыбкой и решительно направился к картине великого мастера. В том, что это подлинник творения Микеланджело Караваджо под названием «Давид с головой Голиафа», сомнений не было. Даже нет необходимости в распознавании эмоций, с которыми художник подписывал полотно. Никакой имитатор не способен влить в холст такую прорву энергии творения.

Процесс оценки для меня уже давно превратился в некий ритуал. Я поставил на стол саквояж с инструментами, которые, скорее всего, мне не пригодятся, встал прямо перед картиной и внимательно всмотрелся в детали. Когда-то, подобно людям из своего старого круга, причем не только на уровне детского дома, но и уже обучаясь в институте, я с насмешкой относился к посетителям картинных галерей, надолго замиравшим перед какой-то мазней. Мне всегда казалось, что они не ищут в полотне нечто незаметное с первого взгляда или вообще недоступное простым смертным, а просто обезьянничают, чтобы не выделяться из стаи таких же лицемеров. Те времена давно прошли, и я сам заворуженно застываю перед холстами по-настоящему гениальных художников, чтобы увидеть что-то потаенное, глубоко спрятанное творцом от слишком поверхностных людей. С каждой секундой созерцания картина словно расцветала, наполняясь до-

полнительными красками и смыслами, словно проявляя второй, невидимый слой эмоциональной глубины.

Заезженный до дыр библейский сюжет тут был подан с неожиданной стороны. Давид смотрел на голову поверженного Голиафа с каким-то странным сочувствием и даже сожалением. При этом раскаянья и нерешительности в глазах не было – лишь отголоски отчаянной смелости, толкнувшей его на безнадежную схватку, в которой он мог уповать только на помощь свыше. И ведь помощь таки пришла.

Я читал об этой картине, и единственное, в чем полностью сходятся все искусствоведы, – это то, что голова Голиафа является автопортретом самого Караваджо, а вот насчет личности модели для Давида мнения расходятся. Некоторые считают, что это ученик художника и по совместительству его любовник. Другие полагают, что смысл куда глубже и Давид – это тоже автопортрет, но только юного Микеланджело.

Достав из кармана перчатки, я натянул их. Закрыв глаза и сделал неглубокий вдох. Первое же прикосновение пальцами к бугристому полотну позволило моему дару войти в полный контакт со сгустком энергии творения, пропитавшей старинное полотно. Информация полилась бодрым ручейком. Сведения возникали в моей голове словно из пустоты, а образы и эмоции мелькали быстрым калейдоскопом. Я даже не пытался обуздать этот водоворот, а как опытный рыбак выуживал из него нужные мне крохи.

Ага, пуритане все-таки ошибались. Нет, Караваджо дей-

ствительно имел интрижку с собственным учеником, но именно эта картина все же являлась двойным автопортретом, и эротического подтекста здесь не было. Художник изобразил собственное сожаление о том, что, достигнув зрелого возраста, потерял нечто, наполнявшее его жизнь смыслом и дарившее вдохновение. Усталый разум, словно голова, отсеченная от тела, не способен на многое из былых страстей...

Так, стоп! Я тут не диссертацию по Караваджо готовлю, а выполняю вполне конкретный заказ. Чтобы наладить контакт не с поверхностным слоем энергии творения, запечатлевшим эмоции художника, его мысли и стремления, а копнуть поглубже к сидящей внутри структуре, так и не развившейся в полноценную псевдосущность, пришлось поднапрячься. Но и это тоже прошло без проблем. Как интересно! Картина несла позитивное влияние, но не для всех, и теперь понятно, почему я не ощущаю никакого дискомфорта, а бедолага Макнил вон весь извелся, не понимая, что с ним творится. Прервав контакт с энергетической структурой, я максимально пригасил свой дар, чтобы расшифровываемая им информация не мешала думать. Стянул перчатки и задумчиво посмотрел на владельца особняка, застывшего любопытно-настороженным сусликом. После своей недавней бестактности он все еще не решался заговорить первым.

– Ну что же, – тихо произнес я с видом доктора, оглашающего диагноз. – Картина действительно не производит нега-

тивного воздействия на окружающих. К примеру, я совершенно не чувствую ее влияния, потому что мое сознание не пытается бороться с ним, а вот ваше, похоже, сопротивляется. Простой защитный механизм психики вызывает тревожность.

– И что со мной не так? – тут же вскинулся англичанин, явно задетый тем, что кто-то обвинил его в ущербности. Все-таки менталитет оставляет определенный отпечаток на личности.

– Не уверен, что вам будет приятно это слышать. К тому же вы должны понимать, что заключение оценщика, особенно касаясь влияния энергетический структур на разумных, считается субъективным и не имеет никого подтверждения, кроме слов самого оценщика.

– Я хочу знать, – практически перебивая меня, заявил англичанин и как-то ревностно посмотрел на картину.

Похоже, он долго и упорно добивался обладания ею и не хочет расставаться без серьезнейших на то причин. Оно и понятно – полотно на данный момент должно находиться на вилле Пинчиана в галерее Боргезе. Скорее всего, там сейчас выставлена всего лишь копия. Несмотря на теснейшие связи с жандармерией, факт явно незаконного перемещения картины в Женеву меня абсолютно не волновал. Внутри нее нет вредоносной сущности, ну и чудненько. Если владельцы не вопят на весь белый свет об ограблении века, значит, им нравится смотреть на хорошо сделанную реплику.

Опять мои мысли ушли куда-то не туда. Внутренне встряхнувшись, я принялся пояснять заказчику все то, что сумел вычленить из хаоса информации, переданной мне моим даром.

— Дело в том, что полотно пытается сделать вас решительнее. Но вы по натуре человек, скажем так, осторожный, и ваше естество сопротивляется такому влиянию. От этого и дискомфорт. А то, что вам в голову лезут мрачные мысли, так это, скорее всего, из-за слухов о зловещих энергетических сущностях и тому подобное. Я не психолог и поэтому не могу подсказать, как вам следует поступить. Советую обратиться к своему терапевту.

— Картина может сделать меня смелее?

— Нет, даже энергетическая сущность, коей здесь нет, неспособна настолько изменить человека. Затуманить голову, порой даже подчинить своей воле — возможно, но помянуть человеческую суть ей точно не под силу. Думаю, находящаяся в этой картине не очень сложная структура способна помочь вам принять решение в момент, когда вас одолевают сомнения. С другой стороны, в некоторых случаях стоит проявить осторожность. Повторюсь, я не психолог, а оценщик, поэтому просто рассказываю вам о свойстве этого, так сказать, инструмента, а как им воспользоваться, решать только вам.

Я хотел бы помочь в общем-то неплохому человеку в этой не самой простой ситуации, но, похоже, сделал ее только

сложнее. Чтобы как-то разрядить обстановку, на всякий случай добавил:

– Если хотите, могу дать экспертное заключение, а также предварительную финансовую оценку и оценку физического состояния картины.

– Нет, спасибо, – задумчиво ответил англичанин. – В этом нет нужды. Продавать своего Давида я не собираюсь.

Мне же оставалось лишь ободряюще улыбнуться и слегка поклониться в знак того, что моя миссия в этом деле закончена. Заказчик спохватился и полез в карман за конвертом. Женева являлась вполне современным городом с доминирующим безналичным расчетом, но все сделки, находящиеся, так сказать, в серой зоне, оплачивались либо наличными франками, либо элькоидами. Сложность данной задачи не была такой уж запредельной, и эльфийское серебро мне не светит, но и пачка франков тоже согреет душу. Передав мне конверт с оговоренной суммой, Макнил перевел взгляд на картину. Мне было интересно наблюдать за меняющейся на его лице гаммой эмоций. Сначала сомнения и настороженность, затем заинтересованность, которая сменилась на время угасшим восхищением. После этого к восхищению добавилась нотка решимости использовать новые свойства ценной собственности на полную катушку. По крайней мере мне так показалось.

Это любование могло продлиться дольше, чем мне бы того хотелось, так что я позволил себе легкое покашливание,

тут же вырвавшее англичанина из этого подобия транса.

– Простите, – извинился он. – Как насчет чая и небольшой лекции об энергетических сущностях? Конечно, за дополнительную плату.

– От чая не откажусь, как и от разговора на интересующую нас обоих тему. Дополнительная плата не нужна. Того, что вы уже дали, вполне достаточно.

Мой ответ понравился заказчику, и дело тут явно не в его жадности. Это очень хорошо. Нас свел один из контрабандистов, провозящих произведения искусства в Женеву, и хорошие отзывы мне точно не помешают. В данный момент они намного ценнее той пары сотен франков, которые я могу получить за дополнительную консультацию.

Общение с Макнилом оказалось действительно приятным, плюс к этому еще и познавательным. Не только я поделился с ним информацией об энергетических сущностях, по крайней мере той ее частью, которая была предназначена для относительно широкой аудитории, но и он раскрыл для меня кое-какие подробности женевского теневого рынка произведений искусств. Не скажу, что мне так уж нужна эта информация, – мое дело оценка, а слишком углубленное знание подводных течений могло быть даже вредным. С другой стороны, это давало лучшее понимание того, куда стоит влезать, а какие дела следует обходить стороной. Я изначально принял для себя решение не выходить за пределы, так сказать, серой зоны. Соваться в откровенный криминал

и близко сходиться с определенными представителями этого мира меня отучило слишком уж тесное общение с авторитетом по прозвищу Пахом. Наши с ним разногласия по поводу моей личной свободы закончились печально для в общем-то неплохого дядьки. Не нужно было ему нарушать данное Секатору слово. Иваныч в таких вопросах крайне щепетилен. Все закончилось в общем-то нелепой гибелью Пахома и развалом его организации. Единственный, кто был мне симпатичен в этой банде, если не считать попытки убить меня, возможно, даже остался жив. Уже полгода Косарь не дает о себе знать, и слава богу. Хорошо бы он вообще затерялся в глубинах челоуейника Святогор и забыл обо мне навсегда.

Выкинув мрачные мысли из головы, я попрощался с Макнилом и отправился домой. Искать вечерние приключения на свою пятую точку, да еще и посреди недели, было как-то лень, так что я накормил ужином Тик-така и остаток дня посвятил чтению. Когда понял, что сейчас усну прямо за столом, решил все же перебраться на кровать.

Глава 2

– Вставай, лежебока, солнышко уже поднялось, пора просыпаться. – Нежный голосок мягко извлек меня из объятия сна, но так и не помог прорвать сладкую пелену, отделяющую от грубой реальности. – Вставай, хомяк, всю жизнь проспай, – через три минуты снова слышался тот же голос, ставший чуть жестче. В нем появились требовательные нотки.

Пришлось все-таки просыпаться. Выслушивать третью часть не хотелось. Там уже нет ни ласковых, ни добрых слов, а это может испортить все утреннее настроение. Хлопнув ладонью по плоской таблетке специального будильника, я сел на кровати и сладко потянулся. Даже не знаю, может, убрать этот рингтон будильника, а то как-то даже возбуждился немного. С другой стороны, мне еще в детстве надоело вскакивать, как ужаленному, от жесткого звонка, врезавшегося в сонный мозг ребенка словно перфоратор. Да и потом, на учебе и на работе, требовалось срочное пробуждение, и будильники я покупал агрессивные. Теперь же, будучи хозяином самому себе и своему времени, почему-то захотелось, чтобы по утрам будил женский голосок. Даже тогда, когда мою постель кроме меня самого никто не согревал. Так что попросил Заряну, и она с удовольствием выполнила мою просьбу, особенно в третьей и четвертой части пробуждающего сообще-

щения. В последнем отрывке она с особым наслаждением орала благим матом, чтобы я, скотина ленивая, выметался из кровати и шел работать. Я один раз из любопытства прослушал, и повторять травмирующий опыт не хотелось. Вообще-то, идея в целом удачная.

Настроение было прекрасным, солнце уже встало и любопытно заглядывало в мое окно. Я хорошо выспался и в будущее смотрел с непробиваемым оптимизмом. Как только эта мысль посетила мою голову, тут же напряженно замер и покосился на телефон, лежащий рядом с будильником. Что-то я расслабился за последние месяцы, прошедшие без особых приключений. В голову полезли благостные мысли, а я ведь знаю, что именно на самом пике расслабухи и должен прозвучать марш имперских штурмовиков. Так и просидел в кровати минут десять, пока не понял, что Иваныч звонить не собирается.

Продолжая прибывать в прекрасном настроении, я без особой охоты, но и без отторжения провел зарядку, затем медитацию и уже с чистым удовольствием постоял в душевой. Благодаря занятиям в фехтовальном клубе громить собственный подвал нужды не было, поэтому все попытки освоить атакующие конструкторы перенес в клубный тир. Так что из утренней программы остался только завтрак, которой я приготовил под хорошее настроение и в творческом порыве порадовал Тик-така корейским омлетом на рисе под названием Торнадо. Мышоур уже освоил управление чайной лож-

кой, так что довольно ловко и аккуратно поедал выделенную ему порцию.

Уже доев омлет и медленно, с ленцой попивая кофе, я раздумывал над тем, чем бы заняться этим днем. Заказов на сегодня не было. До тренировки еще пять часов, так что можно спокойно запланировать вечерние посиделки в квартале художников, а пока почитать что-нибудь легкое. В этот раз я не насторожился, а стоило бы, потому что едва я сделал последний глоток кофе, как благодатную атмосферу на кухне безжалостно разрезал знаменитый марш из «Звездных войн».

– Зараза, ну вот как это у него получается? – заворчал я, отвечая на звонок. – Слушаю вас внимательно, многоуважаемый Иван Иванович.

– Похоже, у тебя хорошее настроение. Это очень кстати.

Заявление гоблина вызвало у меня печальный вздох, потому что злиться на вредность по своей природе злобного существа было неконструктивно.

– Что-то случилось? – задал я риторический вопрос.

– Пока нет, но может, если мы не вмешаемся. Ты мне нужен. Сейчас скину геотег, – сказал словно отрубил инспектор и тут же отключился.

– Ни тебе здравствуйте, ни доброго утра, – пожаловался я сочувственно смотревшему на меня мышоуру.

Казалось бы, после того как Секатор признал, что спасение его жизни обнуляет все мои моральные долги перед благодетелем, отношение ко мне должно было поменяться. Ну,

не знаю, хотя бы поинтересовался, есть ли у меня время, чтобы помочь ему, да и вообще желание влезать в очередной блудняк...

Хотя чего это я ворчу? Не в смысле удивления, что гоблин ведет себя не по-человечески, а по поводу того, что навязываемые инспектором дела меня сильно тяготят. Вот, к примеру, сейчас мне жуть как интересно, что же там у них такого случилось. Поэтому, быстро собравшись, я забрался на вынырнувший из недр подвала электроцикл и, настроив навигатор, помчался по улицам Женевы на помощь злобному гоблину.

И все-таки езда на двух колесах – это нечто особенное, не сравнимое с покатушками в глухой железной коробке. Да, кому-то, может быть, и не хватало бы глухого рокота бензинового двигателя, а вот мне этот чуть свистящий шелест, который с легкостью перебивал даже шум ветра, обтекающий шлем, нравился больше. Скорость пьянила, постоянно приходилось одергивать себя и сбавлять обороты, потому что езда по улицам Серого города – это все-таки не гонки по раздолбанному асфальту в Черной Женеве. Там уж точно не собьешь зазевавшегося пешехода, разве что морлока, но тут уже не пешеход пострадает, а мотоциклист, причем дважды. Первый – в момент столкновения, а второй и последний в своей жизни – когда оставшуюся безлошадной жертву начнут рвать на части и жрать.

Я невольно вздрогнул, вспоминая, как морлок ухватил ме-

ня за ногу во время скоростного ползания по узкому техническому лазу. Нет уж, лучше я буду скучно ехать, притормаживая в нужных местах и пропуская идущих по зебре пешеходов, чем навернись в заброшке, где кроме морлоков обитают лишь бандиты. Причем неизвестно, кто из них опаснее.

Адреналина в моей жизни и без этого предостаточно, особенно из-за одного гоблина, на встречу с которым я сейчас и мчусь. И ведь, что самое обидное, за мою помощь жандармерия не платит ни сентима. Однажды я заикнулся о вознаграждении и услышал в ответ ехидное предложение выписать мне благодарственную грамоту. Эта мерзкая жаба даже не стала напоминать о возможности вступить в штат, от которой я отбрыкивался всеми правдами и неправдами. Впрочем, жалуюсь я чисто для проформы. Выгоды от сотрудничества с Секатором намного больше, чем неудобств и даже рисков при выполнении его слабо завуалированных под просьбы приказов.

Размышляя о вселенской несправедливости, я и добрался до указанной гоблином точки на карте и с удивлением понял, что группа из десятка жандармских машин плюс кабриолет Бисквита, мини-фургончик Тик-туна и магокар Иванаыча замерли у причала речного порта. А вокруг раскинулась территория китайского анклава, что тоже не вызывает у меня особой радости. Впрочем, мои приключения на одной из баз триады уже в далеком прошлом, и просто так, исключительно из мстительности, задирать ближника самого Се-

катора никто не станет. Да и у меня самого уже далеко не самая невинная репутация – придуманное Косарем и подтвержденное реальностью прозвище Псих, а также выданное вождем всех орков имя Рохур-хатар известны многим и заставляют задуматься, перед тем как задирать странного чудака в нелепой одежде.

Как только я подъехал, народ резко активизировался. Значит, они ждали только меня. Иваныч даже не глянул в мою сторону и прошествовал по трапу на борт прогулочного паррома. За ним засеменял Тик-тун, но мышоур хотя бы приветственно махнул лапкой в мою сторону. Бисквит дожидался меня, сидя на багажнике своей машины. С угрюмым видом обиженного ребенка орк подставил широкую как лопата, украшенную когтями ладонь для приветственного хлопка.

– Ты чего такой надутый? Опять Иваныч отверткой в мозгу ковырялся?

– А то ты не знаешь, – неопределенно пророкотал мой зеленокожий друг.

– И чем ты ему в этот раз не угодил?

– Тем, что родился орком.

– Да ладно! – почти искренне удивился я. – А у него были какие-то другие мысли по поводу твоей расовой принадлежности? Надеялся, что ты его незаконнорожденный сын?

– Не смешно, – не принял шутку орк.

– Так в чем дело?

– В том, что я не люблю воду, – нехотя выдавил их себя

мой зеленокожий друг.

– Вроде в бассейне плещешься.

– Так то в бассейне! Там всегда на дно встать можно, а он хочет меня в озеро выкинуть. Знаешь, какая там глубина?

– Беда-а, – протянул я, ощущая нехорошие предчувствия, потому что мне не раз и не два приходилось отдуваться там, где срабатывали фобии вот этого здоровенного монстра с мышцами перекачанного бодибилдера, когтями тигра и акульными зубами. – Только не говори, что теперь он хочет выкинуть в озеро меня. Там ведь русалки плавают!

– Ну, если тебя пугают только русалки, тогда проблем не будет, – отреагировал на мое заявление орк, явно приободрившись, потому что он окончательно понял – его шансы избежать пугающего погружения резко увеличились.

Я же прислушался к себе. Почему снова по привычке начинаю юлить? А ведь еще даже до гоблина не добрался. Все равно ведь полезу в озеро, потому что жутко интересно узнать, что именно там приключилось. Иваныч совершенно прав – моим вторым даром является способность влипать в разные неприятности. Потихоньку сортируя тараканов в своей голове, я понял, что тут не какое-то проклятие, а просто натура у меня такая – авантюризм, смешанный с непробиваемым любопытством. Даже на Большой земле такое сочетание до добра не доводит, а в Женеве и подавно. Тогда чего кочевряжусь? Явился на зов о помощи, так берись за дело, хотя выяснить все нюансы все-таки не помешает.

– Так, Бисквит, а теперь попытайся объяснить мне, что у вас случилось и почему специальный инспектор Серого города вынужден буквально кидать свои лучшие кадры в воду на съедение русалкам?

– Не драматизируй, ничего тебе русалки не сделают, – небрежно фыркнул орк.

– Серьезно? – немного разозлился я, глядя на невинно хлопающего глазками Бисквита. При его внешности смотрелось это совсем не умилительно. – Тебя русалки за мягкое место кусали?

– Не, не было таких эротических нюансов. – Что-то слишком уж развеселился мой друг.

– А меня кусали, и тебе об этом известно. Ты вот боишься воды. Не знаю, по какой причине, может, в детстве тебя утопить хотели, красивого такого. А я боюсь русалок. Это не трусость, это фобия. Если будешь ерничать, в озеро мы нырнем вместе. Скажу, что без тебя точно не справлюсь.

Орк тут же сделался салатовым, и я понял, что его боязнь воды, которая, кажется, называется гидрофобией, немного сильнее, чем я подумал.

– Это шутка, – пришлось отыгрывать назад. – Рассказывай давай.

– Идем, – пробурчал недовольный моим грубоватым юмором орк, вытаскивая из машины объемный бул. – По пути расскажу, а то шеф вон уже поглядывает в нашу сторону. Через пару минут орать начнет.

Пообщаться по пути не получилось, потому что разговаривать, проходя гуськом по трапу и смотря под ноги, чтобы не зацепиться за что-нибудь на палубе, не очень-то удобно. Когда наконец-то расположились на носу парома, Бисквит принялся выдавать подробности:

– Два дня назад любители понырять с русалками увидели, что в одном из самых русалочьих мест появилось что-то типа святилища, а там какая-то штуковина в виде большой раковины. Поначалу все было нормально. Русалки просто резвились и туристов, заплывавших в это святилище, не трогали, но потом все пошло наперекосяк. Ну ты знаешь, какие повадки иногда бывают у хуманов.

– Знаю, – кивнул я, – обезьяны. Ты ведь это слово хотел использовать?

– Ну а как еще назвать привычку лапать руками все подряд? Похоже, один из туристов решил прихватить сувенир. Русалкам это не понравилось. В итоге спасателям удалось достать из озера только его голову. Остальное сожрали.

– Сбой отпугивающего амулета? – уточнил я очень важную для себя деталь, потому что, судя по всему, мне предстоит повторить «подвиг» подводного kleптомана.

В процессе получения информации мой задор истаивал, и я уверен, что, дослушав Бисквита до конца, в разговоре с Иванычем опять начну капризничать. Причем уже не из природной вредности, а подталкиваемый элементарным инстинктом самосохранения.

– Амулет в порядке. Нашли и проверили. Но ты должен понимать, что они всего лишь отпугивают русалок и гасят их агрессивность по отношению к носителю, а не дают абсолютную защиту.

– Это ты меня, конечно, порадовал. Давай дальше.

– А что дальше? Гоблинские безопасники отправили туда своих специалистов, но артефактные датчики в большом скоплении русалок сильно сбоят, так что ничего выяснить не удалось. Поэтому припрягли шефа, и меня заодно, ведь, если не работают датчики, нужно посылать для прямого контакта живого артефактора, ну или оценщика.

Мне показалось или в голосе Бисквита появились виноватые нотки? А так ли он боится воды, как пытается показать? Ладно, сейчас мотивы здоровяка имеют наименьшее значение. Если, помогая Иванычу, я еще и уберегу своего друга от лишнего риска и треволнений, то оно того точно стоит. Бисквиту я должен столько, что и сотней заплывов с хищными русалками не рассчитаюсь.

– А почему позвали именно Иваныча? Каким боком здесь жандармерия?

– Жандармерия никаким, – с явным намеком произнес орк, и я не стал уточнять, потому что и так понятно.

Похоже, мы здесь не по жандармской надобности, а по линии хранителей равновесия, одним из которых и являлся злобный гоблин. Ну а мы с Бисквитом как бы считались его помощниками. Что тоже давало неплохие предпочтения. Хо-

тя все очень мутно. Меня никто на тайные ритуалы не приглашал и особых значков на грудь не вешал. Скорее всего, мы идем довеском, как плюс два к хранительскому статусу Иваныча.

– Я понял, на что ты намекаешь, но все равно неясно, почему все так всполошились. Ну нашли себе русалки какую-то новую цацку? Мне бы тоже не понравилось, попробуйся кто-то спереть, скажем, мой байк.

– Не называй скутер байком. Ты оскорбляешь всех байкеров.

– Блин, Зеленый, когда ты в последний раз садился на свой «харлей»? Из тебя такой же байкер, как из меня балерина. Хватит выпендриваться. – Постоянные попытки орка ткнуть меня носом в ненастоящность моего электроцикла уже начали раздражать. – Заканчивай инструктаж, а то сейчас доберемся до точки назначения, и Иваныч без лишних разговоров выкинет меня за борт. Не хочу идти туда, не знаю куда, и решать незнамо какую проблему. Колись, с чего весь переполох?

– Смотрители русалок заметили странности в их поведении. С ними случается всякое, но сейчас это может быть связано с непонятной раковиной. Фотки, что успели сделать туристы, показывают, что штука явно рукотворная. Вот в городском совете и забеспокоились, не подсунул ли какой-нибудь затейник русалкам что-то типа проклятия массового помешательства. Если агрессивность и без того чокнутых ру-

салок подскочит на порядок, весело будет всем. Даже тем, кто живет далеко от берегов озера и обеих рек.

— Если все понимаешь, тогда зачем говорил о безопасности милых рыбешек? — не удержался я от подколки, а сам подумал, что перспективы вырисовываются так себе.

Если зрители русалок не дуют на воду, то беспокойство городского совета вполне естественно. Неясно только, почему за все это отдуваться должен именно я? С другой стороны, я уже давно понял, что Иваныч, несмотря на всю свою злобность, серьезно относится к моей безопасности и точно не станет выбрасывать за борт без надежной поддержки. К тому же к моему неумному любопытству добавилось раздражающее чувство ответственности. Я всю жизнь мнил себя эгоистом, но поди ж ты, почти дружеское расположение вождя орков и злобно-принципиального гоблина порождали в душе нездоровые порывы к героизму. К тому же где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что, возможно, удастся увидеться с Фа. Но это так, в плане бреда. К этому времени бывшая фейка уже давно должна была забыть обо мне, несмотря на то странное событие, случившееся три месяца назад в мутных водах Роны.

Пока добирались до места назначения, которое на водной глади озера было обозначено оранжевым буюм, я успел выпытать у Бисквита все подробности, обдумать ситуацию и принять решение. Так что, когда Иваныч махнул нам, призывая следовать за собой, не стал раздражать его и просто двинулся

в указанном направлении. Бисквит, понутив голову и опустил свои мощные плечи, поплелся следом. Расстройство товарища не сильно меня беспокоило. Очень сомневаюсь, что Иваныч сразу запихает под воду нас обоих. Вот если я не разберусь и распознаю лишь основу под артефакт непонятного назначения, тогда, боюсь, орку придется познакомиться с глубинами Женевского озера ближе, чем ему хочется. И все же моя оценка неблагодарности инспектора оказалась немножко преувеличенной: не доходя до спуска в недра баржи, Иваныч развернулся и посмотрел на меня снизу вверх.

– Если хочешь, можешь отказаться. Я перестраховался и привлек лучших специалистов, но предусмотреть все невозможно, и есть определенный риск. Что скажешь?

– А что тут скажешь? – Ответ дался мне легко, особенно после подобного финта со стороны перманентно злобного гоблина. – Я уже здесь, и как-то тупо возвращаться, не попробовав разобраться.

– Что, даже не будешь капризничать? – удивился гoblin.

– Не-а, – мотнул я головой, чувствуя веселую бесшабашность, что в преддверии явно сложного дела не так уж хорошо.

Скорее всего, застоялся я без приключений, и тренировками с доном Пабло тут не обойдешься. Печально, если становлюсь адреналиновым наркоманом: любые излишества к добру не приводят.

– Жаль, думал, будешь юлить и канючить. Даже пригото-

вил парочку пряников, теперь отложу их до следующего раза.

Я даже восхитился – вот это талантище в плане напакостить ближнему своему! Подмывало спросить, чем же таким он собирался подсластить мне пилюлю, но удержался и лишь пожал плечами. Гоблин озадаченно квакнул.

Можно сказать, один-один.

Когда мы спустились внутрь прогулочной баржи, стало понятно, что просто за борт меня выбрасывать никто не будет. В днище корабля имелась здоровенная квадратная дыра, выглядевшая как бассейн. В этом бассейне, чуть покачиваясь, расположился подводный аппарат, способный вместить кроме пилота еще человек десять. Практически все стены пассажирского отсека были прозрачными и давали прекрасный обзор под водой.

У этого необычного бассейна нас поджидали два человека в каком-то подобии морской формы, а еще парочка гоблинов, так сказать, в национальной одежде. В отличие от тех, с кем я сталкивался на болотах, хламиды этих спецов были сплетены из широколистных водорослей, так что напоминали эдакие пончо из лыка. Гоблины лишь зыркнули в нашу сторону своими лупоглазками, а вот люди подошли поближе. Старший из них, обладающий шкиперской бородкой, обратился к Иванычу:

– Кто будет погружаться?

Секатор ткнул своим длинным пальцем в мою сторону, на что предполагаемый капитан подводной лодки лишь кивнул

и сделал приглашающий жест в сторону борта, где находились шкафчики с различным оборудованием.

– Вы знакомы с конструкцией такого типа акваланга? – уточнил он, когда мы подошли ближе.

Я испытал короткое чувство удовлетворения, увидев знакомую маску с отдельной секцией для дыхания. Хорошо было и то, что это не модель с загубником, и то, что я уже однажды погружался в таком, когда мы с Иванычем отправились потрошить логово одного из членов гоблинского совета. Правда, там было мелкое болото, а здесь озеро, глубина которого доходит до трех сотен метров.

– Да, доводилось использовать.

– Нужна помощь для подготовки? – без особого энтузиазма уточнил капитан.

– Спасибо, справлюсь сам. – Мне почему-то не хотелось, чтобы меня обряжали два незнакомых мужика. В крайнем случае, воспользуюсь помощью Бисквита или Иваныча. Тем более гоблин однажды делал нечто подобное.

В принципе, такие процессы работают по принципу велосипеда: если однажды имел опыт влезания в гидрокостюм, то повторить будет не так уж сложно. Когда я закончил, даже нацепив на голову маску, капитан подошел, проверил непонятные мне детали, нажал пару кнопок и что-то подтянул. Затем удовлетворенно кивнул и добавил легкую улыбку. Правда, на ободряющую она похожа слабовато.

– Можете загружаться в задний отсек.

Если честно, я думал, что поеду в пассажирском салоне, и только сейчас более внимательно рассмотрел дополнение, прилепленное к задней части батискафа. Сферическая камера с парочкой лавочек тоже была практически полностью прозрачной – за исключением боковых люков, закрывавшихся сдвигаемыми лепестками наподобие диафрагм старых фотоаппаратов. Ко входу в пассажирский отсек вел широкий пандус, а вот к задней шлюзовой камере нужно было добираться по узенькому решетчатому настилу. Как только я сделал первый шаг в нужном направлении, то сразу понял, к чему относилась улыбка подводника. Все же стоило надеть ласты уже на месте. Решил не снимать и пошлепать так, как есть. Народ вокруг слишком уж сосредоточенный, да и Бисквит вон весь салатový. Может, немного развеселю его, с меня не убудет.

Действительно, наблюдая за моим вышагиванием, все вокруг заулыбались. Даже гоблины застрекотали что-то позитивное. А вот Иваныч лишь сокрушенно покачал головой. Зато Бисквит вернул себе нормальный цвет лица и сдавленно хрюкнул. Усевшись на специальную лавочку, я принялся ждать дальнейших действий подводников.

Из-за изгиба прозрачные стены не давали хорошо рассмотреть, что происходит внутри пассажирского отсека, но я сумел заметить, что туда забрался только Иваныч. Бисквит, опять ставший салатovým, остался во чреве баржи, как и Тик-тун. Похоже, они оба страдали водобоязнью. Нужно

признать, когда ситуация становится совсем уж напряженной, Иваныч умеет идти на компромисс и быть внимательным.

Сородичи инспектора в необычных пончо составлять компанию Иванычу явно не собирались. Просто одним махом оба запрыгнули на верхушку батискафа.

– Начинаем погружение, – послышался голос капитана в наушниках, встроенных в капюшон моего гидрокостюма. – Назарий, как вы себя чувствуете? – поинтересовался он, явно предварительно разузнав мое имя у Иваныча.

– Нормально. – Я попытался ответить максимально четко, хотя маленькое подмасочное пространство делало эти потуги немного неуклюжими.

– Сейчас начнем затопление вашей камеры. Не снимайте, пожалуйста, маску. Все, что нужно, сработает автоматически. Когда скажу, начните продувку.

Ох ты ж ежики-мазохисты! Я тут строил из себя крутого дайвера, а ведь глубже пары метров никогда не погружался. Хорошо хоть, теоретически знаю, что такое продувка, а там ведь еще и декомпрессия может понадобиться. Кто знает, на какой глубине находится этот самый постамент с ракушкой? Об этом-то я у Бисквита как раз и позабыл спросить. Тут же начал бить мандраж, но я постарался взять себя в руки, а голос капитана окончательно помог прийти в себя:

– Как поняли?

– Понял хорошо. Продуваюсь по вашей команде.

Батискаф закачался сильнее, и тут же освещенность в моей капсуле изменилась. Стало темнее, и вокруг заплясали полосы света, преломленного водными искажениями.

Когда мы словно выпали из объемного брюха баржи в открытое водное пространство, освещение еще раз поменялось. Затем сработали внешние прожекторы, несмотря на то что видимость была и так хорошей, благодаря яркому даже здесь солнцу. Но на эти изменения я уже не обратил внимания, потому что в шлюзовую камеру начала поступать вода. У меня тут же возникла вполне естественная для любого живого существа, рожденного ползать по суше, короткая паника, с которой все же удалось быстро справиться. Сосредоточившись на процессе, я не особо оглядывался по сторонам.

Вода заполнила все внутреннее пространство где-то за минуту. После этого батискаф начал довольно быстро погружаться, но известного мне только по прочтению сетевых статей давления на ушные перепонки я не дождался – голос в наушниках предупредил меня раньше:

– Назарий, можете продуться.

Как это делается, я тоже знал только из интернета, но все же решил, что справлюсь без дополнительных советов. Поэтому просто зажал пальцами нос, что было довольно сложно сделать через резину маски, и попытался вдуть воздух в перекрытый канал. В ушах что-то щелкнуло. И только после этого стало понятно, что давление на перепонки пусть и малозаметное, но все же было. Стало немного легче. После этого

пришло чувство легкой эйфории, разогнавшее все тревоги и позволившее мне осмотреться вокруг.

По сравнению с гоблинскими болотами видимость здесь была намного лучше, но при этом насыщенность живностью не такая впечатляющая. Впрочем, жаловаться грех – картинка все равно удивительная. Не очень густо, оставляя большие объемы свободной воды, к поверхности тянулись огромные лопасти широченных водорослей, казавшиеся настоящим лесом. В этом лесу нашли укрытие стайки маленьких рыбешек и каких-то неизвестных мне существ, на рыб совершенно не похожих. На открытой воде эти малыши появлялись редко, явно опасаясь появления тех, ради кого их здесь и поселили, а именно главных обитателей Женевского озера – русалок. Пока я не заметил ни одной, но это продлилось недолго.

Во второй стадии развития, несмотря на кардинальную трансформацию, они так и не растеряли любопытство фуки. Русалки приблизились, чтобы понять, кто это такой смелый вторгся в их подводное царство. В сети хватало и видео, и фото с изображением русалок, но видеть их вот так, вживую и в непосредственной близости, было увлекательно. Теперь я понимаю, почему некоторые рискуют плавать с русалками, как жители Большой земли – с дельфинами. Парочка подводных обитательниц подплыли ближе, чтобы посмотреть на Иваныча и подводников, а одна вплотную приблизилась к затопленной шлюзовой камере, почти прижавшись к прозрач-

ной преграде. При этом ей приходилось работать хвостом, чтобы не отставать от стремительно погружавшегося аппарата.

Если у фуки лицо было, так сказать, схематичным – словно кукольное подобие человеческого, то русалка походила на земную девушку намного больше, с более выраженной детализацией. Россыпь чешуек как у любительниц боди-арта создавала свой неповторимый образ. Как положено классическим русалкам, на уровне пояса обнаженный торс с не очень развитой грудью переходил в самый настоящий рыбий хвост с частичным, как у зеркального карпа, узорчато-чешуйчатым покрытием и очень длинными хвостовыми перьями. С их помощью, а также благодаря перепонкам между длинных пальцев русалка передвигалась в водной толще, делая это изящно и легко. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что всматриваюсь в лицо этого существа, надеясь узреть там черты Фа, но тут же осознал бессмысленность этой затеи.

От созерцания русалки меня оторвал голос капитана, предложивший еще раз продуться, и очень вовремя. За наблюдениями я не заметил усиления давления на перепонки.

Погружение закончилось явно не на такой уж запредельной глубине, и мы двинулись вдоль дна, которое в Женевском озере, в отличие от других земных аналогов, не было серым и илистым. Кроме растущих из дна гигантских водорослей вся его поверхность была покрыта чем-то напоминающим болотные заросли клюквы. Только ягоды в этом яр-

ко-зеленом ковре были не только красные, но и сиреневые и даже синие. Вряд ли ими питались плотоядные русалки, а вот прячущиеся прямо в зеленом ворсе мелкие существа явно обожали здесь пастись. Русалки все еще сопровождали нас, но при этом не упускали возможность, резко ускорившись, ухватить зазевавшуюся рыбку или нечто похожее на нее, но с шестью лапками, и запихнуть себе в рот. Милоты это действие им не добавляло, особенно напрягало зрелище работы острых зубов, размалывающих плоть, от которой тянулся шлейф растворявшейся в воде крови.

В общем, перспектива выхода за пределы надежного батискафа постепенно казалась мне еще более угрожающей, чем в момент начала погружения. Была, конечно, надежда, что самостоятельно плыть не придется и получится изучить артефакт просто высунувшись из шлюзовой камеры, но когда я увидел, что мы подплываем к затонувшей барже, то понял – такая радость мне не светит.

Баржа практически полностью была оплетена зелеными насаждениями с разноцветными ягодками, так что большая пробоина в ее борту казалась входом в эдакий сказочный грот. Вряд ли здесь происходили какие-то боевые действия, закончившиеся затоплением данного судна. Скорее всего, дыру проделали специально для удобства туристов-экстремалов, решивших поплавать с русалками. У самих русалок, как оказалось, на эту баржу тоже имелись свои виды.

Примечательно, что внутри судна не царила непроглядная

тьма. Оттуда исходило странное голубоватое сияние.

– Назарий, – послышался в наушниках голос капитана, – мы сейчас откроем шлюзовую камеру.

Затем прозвучал щелчок, и я услышал уже голос Иваныча:

– Назар, не нервничай. Смотрители прикроют тебя. Поверь, у них есть способы распугать всю местную живность как минимум на пару минут. Думаю, ты успеешь разобраться, что тут происходит, и шустрым головастиком нырнешь обратно. Ты меня понял?

– Понял, – недовольно проворчал я, что из-за маски прозвучало совсем уж угрюмо.

Слушая наставление инспектора, я наблюдал за тем, как сдвигаются лепестки люка справа от меня. Как раз с той стороны находилось затопленное судно, к которому капитан, к моей радости, подвел батискаф практически вплотную. Русалки забеспокоились, но все еще вели себя вполне приемлемо. Я только сейчас заметил, что гоблины, путешествовавшие на крыше батискафа, уже покинули свой насест и двигались параллельным курсом. Сейчас они спустились ниже и замерли с двух сторон от пространства, разделявшего выход из шлюзовой камеры и пролом в боку баржи. Мне жутко не хотелось покидать кажущееся таким уютным убежище, но голос инспектора заставил пересилить мимолетную слабость:

– Давай, Назар. Раньше начнешь, раньше закончишь. Надеюсь, у тебя все получится и мне не придется тащить сюда

еще и Бисквита.

От мыслей о бедном орке прибавилось решительности. Даже страшно представить, что предстоит пережить здоровяку, если ему придется погружаться на такую глубину. Желание оградить друга от подобной участи добавило сил, и я легким толчком вцепившихся в край люка рук выплыл наружу. С десятков секунд чувствовал себя крайне неудобно. Сразу пришло понимание, что, если бы не было опыта погружения в гоблинское болото с Иванычем, а также плавания с маской и трубкой во время двух поездок на море, сейчас бы случился форменный конфуз. А так, пару секунд побарахтавшись, я все же сумел поймать правильный стиль и уже относительно уверенно двинулся к пролому в борту баржи.

Русалки забеспокоились еще сильнее, но я ощутил, как по воде пошла вибрация, исходящая от обоих гоблинов, и подводные феи отплыли от нас на какое-то расстояние. Надежды на то, что, оказавшись внутри затопленной баржи, я получу убежище от русалок, рухнули, как только проплыл сквозь пролом. Голубоватое свечение давала странная слизь, облепившая крышу и борта затопленного трюма. Дно, как и во всем озере, было покрыто зеленым ковром с вкраплением разноцветных ягод. Освещения здесь хватало и без слизи, потому что имелаась не только основная брешь, через которую я пробрался внутрь, но и еще несколько небольших дыр в бортах и в палубе над моей головой, через которые и проходил солнечный свет, изрядно приглушенный толщей воды.

Через эти дырки тут же сунулись любопытные русалки размером поменьше. Впрочем, их старшие товарки тоже могли бы протиснуться при сильном желании. Но и такая мелкота, если захочет, порвет меня на клочки.

Первый же взгляд на так называемое святилище показал, что русалки еще те барахольщицы и имеют привычку земных сорок тащить отовсюду все блестящее. Прямо посреди внутреннего пространства баржи громоздилась куча сокровищ. Правда, такое впечатление продержалось недолго. Пристальный взгляд показал, что собранные тут вещи просто яркий мусор.

В основном куча состояла из осколков разноцветного стекла, хромированных деталей непонятно каких конструкций – в общем, все, что блестело и имело яркий цвет, а также могло показаться ценным для детского сознания русалок. Впрочем, кто его знает, может, где-нибудь в глубине найдутся золотые украшения и даже артефакты. Я интуитивно подпитал свой дар Живой силой и понял, что в куче если и есть хоть что-то, напитанное энергией творения, то либо очень глубоко, либо явно незначительное. Зато венчавшая это образование раковина буквально фонила энергией, намекая, что передо мной очень непростой предмет.

Внешне эта штука действительно напоминала вытянутую раковину какого-то древнего морского моллюска, но я уже сейчас видел, что она является делом рук кого-то из представителей разумных рас. Раковина выглядела как горн, в кото-

рой дует подводный владыка. С узкого конца даже имелось специальное утолщение, похожее на мундштук. По неизвестным мне причинам толща воды не позволяла в полной мере ощутить суть энергии творения на расстоянии. Нужен непосредственный контакт.

Как всегда, все, что может таить в себе энергетическую сущность, влекло меня с неудержимой силой, поэтому я сделал пару движений ластами, подплывая ближе, и потянулся рукой к раковине. И тут произошло то, чего я опасался с самого начала. Мелкие русалки взбеленились, и что-то мне подсказывало, что их более крупные подруги за пределами баржи тоже не зевают от скуки. Опять по воде пошла странная вибрация. Я боковым зрением заметил, как рядом со мной возник раскорячившийся в воде гоблин. Русалки задергались, словно их относил бурным течением. Они явно старались, но ближе подплыть не могли.

Что там говорил Иваныч насчет времени, которое мне могут дать его сородичи? Точно не помню, но тормозить явно не стоит. Я прикоснулся к пока еще непонятному артефакту. Полноценной сущности внутри не было, энергетическая структура развилась практически до уровня, на котором они и зарождаются, но грань не преодолела.

Тут же пришло понимание, что никакой угрозы эта штука живущим в Женеве разумным не несет. Ее создал человек, фанатеющий от русалок и решивший преподнести им такой вот оригинальный подарок. Причем, когда он бросал

за борт свое подношение, оно являлось слабенькой магической дудкой. Проходящий через нее напор воды мог извлекать определенные звуки. Но подарок так понравился русалкам, что их общий восторг наделил его особыми свойствами. Теперь нет никакой необходимости никуда дуть, даже водой. Артефакт сам по себе способен издавать нечто, что ни классической песней, ни просто мелодией не является. Просто ощущение чарующей музыки на каком-то глубоком ментальном уровне. Но имелась проблема. Не знаю, о чем думал создатель этого артефакта, но его творение на Сырой силе не работало, а нуждалось в подпитке Живой энергией. Сейчас внутренний заряд был на минимальном уровне, и, если я не ошибаюсь, именно то, что любимая игрушка переставала радовать прекрасной музыкой, и расстраивало русалок больше всего. А тут еще и загребушие руки жадного хумана. Это я о том не совсем умном и оттого ныне покойном ныряльщике, а не о себе. Впрочем, в данный момент русалки разницы не видят.

В принципе, я свое дело сделал, и можно было уплывать, но взгляд в сторону показал, что сделать это будет не так просто. Внутри баржи уже набилось больше десятка мелких русалок, которых пока отгонял находившийся рядом со мной гоблин, а остальных, тех что покрупнее, сдерживал его напарник, оставшийся у большого пролома. Вполне возможно, если я отплыву от кучи, оставив раковину на месте, они успокоятся, но это только предположение. И тут у меня возник-

ла не совсем здоровая идея. Возможно, делая ситуацию еще хуже, я еще раз прикоснулся к раковине и влил туда практически весь оставшийся в моем распоряжении запас Живой силы. И тут же мелодия, которую я ощущал даже не краем подсознания, а, можно сказать, душой, резко усилилась, вызывая во мне ощущение радости и легкости во всем теле. Находящийся рядом со мной гоблин тоже удивленно замер, явно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Точно так же поступили и мелкие русалки, а затем они устроили настоящий хоровод. Я опять же непонятным образом ощутил, что направленная на меня агрессия сменилась на искреннее дружелюбие.

Находившийся у большого пролома гоблин немного отплыл в сторону, явно показывая, что мне пора возвращаться. Да, атмосфера внутри баржи изменилась, но это не значило, что стоит задерживаться, поэтому я, усиленно работая ластами, проплыл через пролом и практически сразу нырнул внутрь шлюзовой камеры. Лепестки люка тут же сошлись, и я услышал голос капитана:

– Назарий, потерпите еще пару минут. Мы начинаем откачивать воду.

– А как там насчет декомпрессии? – не удержался я от вопроса и тут же представил себе снисходительную ухмылку опытного морского волка, вынужденного иметь дело с таким дилетантом, как я.

– При таких глубинах в этом нет никакой необходимо-

сти, — все же пояснил капитан.

Иваныч почему-то молчал, хотя терпением он никогда не отличался. Скорее всего, решил не устраивать расспросы по общей связи.

Наконец-то из моего отсека откачали всю воду, и я с наслаждением стащил с себя маску. Воздух внутри был не таким уж свежим, но это все равно лучше, чем дышать с натугой из маленького баллона.

В таком состоянии смотреть сквозь прозрачную стену было легче, и я в полной мере насладился удивительным хором, который устроили уже большие русалки. Они радовались как дети, и у меня на душе потеплело от того, что я подарил этим чудесным созданиям кроху радости. В этот момент мне было все равно, что эти милашки совсем недавно сожрали человека.

Всплытие было достаточно стремительным, чтобы я не успел заскучать. И вообще, путешествие получилось увлекательным. Возможно, даже стоит еще раз навеститься сюда и подзарядить артефакт. Впрочем, это я сейчас так думаю, а ведь все могло закончиться совершенно по-другому. Артефакт мог оказаться заряженным отложенным проклятием на массовую немотивированную агрессию. Если бы он сработал в момент, когда мы находились внутри затонувшей баржи, никакие суперумения гоблинских зрителей русалок нас не спасли бы. Возможно, дружной озлобленной толпой они смогли бы даже повредить батискаф, добравшись до Ива-

ныча с экипажем. Возникшие в воображении перспективы вызвали легкий озноб и сильно уменьшили желание возвращаться в святилище подводных фей.

Наконец мы всплыли во внутреннем бассейне парома. К задней части батискафа матросы пододвинули решетчатый пандус, и разъехавшиеся лепестки люка позволили мне выбраться наружу. Дважды веселить всех лягушачьей походкой я не собирался, поэтому стянул ласты сразу же, как откачали воду. Судя по торопливости, с которой Иваныч выбрался из пассажирского отсека, отчет нужно будет давать прямо в момент переодевания.

– Ничего опасного там не было, – не стал я дожидаться вопросов от подошедших ко мне Иваныча и Бисквита. – Простая дудка. Кто-то из слабеньких артефакторов решил подарить русалкам новую игрушку, но те что-то с ней сделали, превратив в магическую музыкальную шкатулку с мощным зарядом энергии творения. Честно, объяснить подробнее, что и как эта штука делает, я не могу, но уверен, никакой опасности для туристов-подводников и тем более живущих на берегу горожан она не представляет.

– А чего это они так развеселились в конце? – с подозрением уточнил инспектор.

– Эта штука работает от Живой силы, вот я ее немного и подзарядил.

Иваныч раздраженно квакнул:

– Вот не можешь ты без приключений. В кои веки тебе до-

сталось простое задание, так и тут ты умудрился все усложнить.

– Почему усложнить? – возмутился я, глядя на невысокого гоблина, но все равно ощущая, что смотрю снизу вверх. В отличие от роста, харизмой инспектор обладал великанской. Возможно, именно этот диссонанс и заставлял меня постоянно взбрыкивать. – Русалки ведут себя спокойнее. Туристы могут плавать без риска, что их сожрут. Что не так-то?

– Я тебе сколько раз говорил: если все нормально, не надо делать лучше, потому что может стать хуже. У вас, кажется, даже есть поговорка по этому поводу.

– Есть, – покладисто согласился я. – Лучшее – враг хорошего.

– Ты уверен, что в дальнейшем эта штука не станет опасной? – уточнил въедливый гoblin.

– Мы уже сотню раз это обговаривали. Я не могу дать никаких гарантий. Информация, полученная благодаря моему дару, это всего лишь наитие, возможно фантазия.

– Значит, точнее могут сказать только артефакторы? – с задумчивым видом словно сам у себя спросил гoblin. Ему даже не пришлось смотреть на Бисквита, чтобы тот опять приобрел салатный цвет.

Я уже достаточно изучил своего куратора, чтобы понимать – сейчас он тупо занимается троллингом бедного орка. Просто сбрасывает внутреннее раздражение из-за того, что его ради какой-то фигни оторвали от важных дел. Так что

пришлось срочно вставлять свои пять копеек, пока кое с кем не случилось ничего плохого от чрезмерного стресса.

– Зеленый, успокойся. Иван Иванович шутит. – И все же на всякий случай уточнил: – Вы ведь шутите, господин специальный инспектор?

– Шучу, – недовольно буркнул гоблин, посмотрев на начавшего возвращать себе привычный буро-зеленый цвет орка.

Он явно решил, что впечатлительному артефактору хватит, поэтому перенаправил остатки своего раздражения на собственных родичей. Понятия не имею, о чем они говорили, возможно, Иваныч решил подтвердить мои слова о том, что подпитка артефакта пошла русалкам на пользу. Простой и логичный вопрос тут же стал поводом для склоки, которая у этих ребят является национальным спортом. Небольшой гвалт, устроенный троицей гоблинов, – причем парочка зрителей явно проигрывала одному инспектору, – не прекращался, пока я не закончил переодеваться, а затем подошел и внаглую влез в чужой разговор:

– Уважаемые зрители, позвольте задать пару вопросов? – сказал я на низшем эльфийском.

То, как быстро все трое замолчали, показывало, что ни о чем серьезном они уже не говорили. Гоблины с интересом уставились на меня. Эта раса отличалась не только злобностью и склочностью, но и запредельным, можно сказать, болезненным любопытством. Судя по заблестевшим глазен-

кам, можно было задавать вопрос, не дожидаясь разрешения.

– Я читал, что русалки не обладают никакой внешней прикладной магией.

– Да, это так, – ответил один из зрителей и опять замер с явным вопросом в глазах.

– И из этого правила нет никаких исключений?

– А почему вы спрашиваете? – тут же поинтересовался уже второй гоблин, но ответить я не успел, потому что в беседу, словно слон в посудную лавку, ввалился Иваныч. Он что-то заквакал на гоблинском. В ответ, конечно же, получил серию возмущенных звуков. В этот раз склока продолжилась недолго, потому что инспектор добавил в гоблинское кваканье явно оркское рычание, возможно с парочкой ругательств, которые были в ходу у зеленокожих здоровяков. Скользя по мне раздраженно-любопытными взглядами, зрители удалились в сторону лестницы, ведущей на палубу.

– Рассказывай, – повернулся ко мне Иваныч.

Я уже давно научился определять моменты, когда он был напряжен и чем-то встревожен.

– Что рассказывать?

– Почему ты спросил о магии русалок? – Гоблина явно начала злить моя неговорчивость, но это уже почти традиция.

– Так, значит, она существует?

– Я первый задал вопрос.

– Серьезно? – Напор инспектора не сбил меня с толку. Привык я к его наездам.

Секатору почти всегда удавалось переспорить не только представителей элиты своей расы, но и многих видных орков. Но у меня-то наглости побольше. Хотя, скорее, тут дело в недостатке ума и инстинкта самосохранения. – Кажется, первым вопрос задал все-таки я.

Впрочем, желание устраивать словесную перепалку быстро прошло, и мне пришлось сдаться:

– Помните, как меня подрали мелкие русалки?

– Помню, – кивнул гоблин. – Занятное было зрелище.

– Спорное утверждение, – проворчал я, но все же продолжил: – Тогда я выбрался исключительно благодаря помощи моей бывшей фейки.

– Ты уже говорил, – перебил меня Секатор, – и я еще тогда сказал тебе, что это бред. Не могла она тебя помнить после перевоплощения в русалку.

– Ну, значит, добавьте к этому, как вы говорите, бреду еще и тот факт, что Фа тогда отогнала своих подружек каким-то заклинанием. Там что-то сверкнуло, и они разбежались. Иначе как применением боевой магии я это объяснить не могу.

– И не надо ничего объяснять, – не унимался гоблин. – Не может такого быть. Так что выкинь эти бредни из своей бестолковой головы. Забудь!

Ох, зря он сказал последнее слово, потому что в устах этой

злобной жабы «забудь» означает, что все же имеется тайна, о которой мне знать не положено. Тот же опыт подсказывал, что расспрашивать смысла нет, зато есть о чем подумать. Похоже, моя фуки оказалось какой-то уникальной. Впрочем, что мне дает это знание – на данный момент совершенно непонятно.

Иваныч еще раз обжег меня раздраженным взглядом, но я видел, что он очень встревожен и явно хочет с кем-то обсудить полученную информацию. При этом хвататься за телефон гоблин не стал, но и находиться рядом со мной ему тоже расхотелось. Да и мне следовало вернуться к тому, кто еще не до конца поверил, что погружение одного большого и очень нервного орка в глубины женевского озера все-таки отменяется.

– Все, Зеленый, наши дела тут закончены. Пошли наверх, а то у меня что-то начала развиваться клаустрофобия.

– Пошли, – с радостью согласился орк, окончательно успокаиваясь, и мы затопали по железной лестнице, ведущей из брюха парома на верхнюю палубу.

Действительно, от свежего воздуха, наполненного какими-то цветочно-влажными ароматами, стало значительно легче. Я с наслаждением подставил лицо ветру и вдохнул полной грудью. Вот уж поистине все познается в сравнении.

– Слушай, а давай-ка мы сегодня завалимся в какую-нибудь пафосную столовку, – предложил орк, явно желая сбросить последствия стресса.

– Ты уверен? – усомнился я в решении друга, потому что пафосными столовками он называл элитные рестораны Белого города.

Еще до событий в пирамидальном храме я как-то в шутку предложил ему устраивать растрату клановых средств не так, как он делает это обычно, разбивая автомобили, а гульнув на широкую ногу, получая удовольствие и эпатируя высший свет Женевы. Дело в том, что у орков свои заморочки в традициях, и мой друг еще несколько лет должен находиться в своеобразном финансовом рабстве. Его бюджет, включая немалые доходы, жестко контролировался старейшинами, но при этом в договоре имелись лазейки. В общем, старейшины обязаны покрывать все, что Бисквит тратит на себя лично. Причем вне зависимости от сумм. Все равно он не мог спустить больше, чем зарабатывает один из лучших артефакторов Женевы.

Раньше мой друг разбивал машины, а вот теперь по наущению одного вредного подстрекателя-хумана гуляет в стиле купцов первой гильдии начала двадцатого века. Правда, без цыган, зато с парочкой разбитных танцовщиц, которые любому цыганскому табору дадут сто очков форы.

– А что, твои старики уже отошли от прошлого раза?

Упоминание о старейшинах еще больше подняло настроение орку. После его первого загула по словам Зеленого совет старейшин едва кондрашка не хватила, причем практически в полном составе.

– Ничего, потерпят, – злобно ощерился Бисквит. – Ну так что, в «Серебряный лотос» или навестим Золотого фея? Может, встретишь там Нису, – предложил орк, явно решив оттоптаться не только на мозолях своих старейшин, но и на моих болевых точках.

Через пару дней после болезненно-памятных событий в «Золотой фее» я пытался связаться с Нисой, но безуспешно. На мое четвертое послание, которое я сам для себя обозначил как финальное, все же пришел ответ: «Мне нужно подумать». Ну что же, я оставил мяч на ее стороне и просто решил воспользоваться советом моей одноклассницы с факультета французской словесности. Дочь искусствоведа и переводчицы при французском консульстве любила выражаться прямо и порой грубовато. В сложных ситуациях Анька всегда советовала – забить и забыть. В ситуации с Нисой забить у меня как-то получилось, а вот забыть – не очень. Поэтому слова Бисквита всколыхнули немного застоявшееся болото эмоций. Как практически хором советуют психологи, гештальт нужно закрывать.

Ну что же, сделаем последнюю попытку, времени у девушки было достаточно, чтобы не только все обдумать, но и написать целый философский трактат.

– Хорошо, речистый, уговорил, только сначала давай в баню. Нужно отмыться и пожрать нормально. Движ в «Фее» все равно начнется только к вечеру. Да и твои потанцульки сейчас наверняка заняты.

Глава 3

Я как в воду глядел: подружки орка действительно оказались по уши в работе. У них образовался большой заказ на подготовку танцевального номера для свадьбы. Залихватскими плясками гостей решили удивить не только жених с невестой, но и вся свита обоих брачующихся. Так что у девчонок забот до самого вечера. Впрочем, нам в бане скучно не было, и не в том смысле, который вкладывают некоторые товарищи, а в классическом банном, который в грамотном заведении являет собой целое искусство.

Я отогрелся в бассейне с горячей водой и накайфовался в умелых и сильных руках массажистки-орчанки. Так что к вечернему отрыву мы были готовы. Помня о гештальте, я отправил Нисе сообщение: «Буду сегодня в «Фее». Думаю, стоит поговорить. Если не подойдешь, значит, ставим точку без разговоров». Честно, когда уже отправил послание, на секунду усомнился и подумал, что выгляжу немного жалко. Почему я бегаю за ней, хотя ни особых чувств, ни вины не ощущаю? Мы оба тогда находились под влиянием высшей сущности, и обвинять кого-то в манипуляции нет ни малейшего повода. С другой стороны, о тех событиях она знает намного меньше меня и, возможно, считает иначе. Именно поэтому нам и нужно поговорить. Но основная причина моих действий все же была в неприятии недосказанности и неза-

вершенности. Это словно зуд, пусть и едва ощутимый, но все равно не дающий нормально жить.

Перед посещением ночного клуба Бисквит решил порадовать старейшин дополнительными тратами и завалился в свой любимый бутик, где продавали нестандартные вещи нестандартного же размера практически для всех рас. У него, конечно, и дома был целый клоунский гардероб, но, похоже, парень, ко всем его тараканам, страдал еще и шопоголизмом. С другой стороны, говорят, что таким образом некоторые дамочки сбрасывают стресс, а Зеленому это точно не мешает. Работа у нас нервная, и это притом, что я не знаю и о половине его приключений, засекреченных Иванычем. А там может быть такое, что даже у меня волосы встанут дыбом, и еще будет стыдно за снисходительное отношение к боящемуся глубины орку.

Когда явно получавший кайф от процесса орк вышел из-за ширмочки, я, честно говоря, потерял дар речи. Вот он, конечно, жжет! Похоже, Бисквит нанервничался сегодня больше, чем обычно, и поэтому решил устроить костюмированный выход. Понятия не имею, откуда у них тут шотландский костюм таких размеров, но ведь нашелся же! А может, именно то, что такая штука обнаружилась в бутике, и натолкнуло орка на подобную выходку. С другой стороны, я видел его в групповом танце на оркском празднике, где местная воинская элита плясала вообще без ничего. Так что юбка вполне себе скромная одежда на фоне моих практически травмиру-

ющих воспоминаний.

– Я с тобой в таком виде никуда не пойду, – больше в шутку, чем всерьез заявил я с возмущенным лицом.

– Это ты верно сказал, – согласился он. – В таком виде ты со мной точно никуда не пойдешь.

– А чем тебе не нравится мой вид?

– Скучный, аж зубы сводит, – показательно сморщился орк.

– У вас что, тоже зубы сводит? Я, вообще-то, думал, что вашим клыкам износу нет.

– Давай я не буду сейчас рассказывать про ужасы оркской стоматологии. В общем, не заговаривай мне мои клыки, а давай переоденем тебя.

– Я не буду ни во что переодеваться. Не собираюсь изображать из себя клоуна!

– Хочешь сказать, что я клоун?! – изобразил яростную обиду орк. При этом оскалился и так рыкнул, что помогавшая ему дамочка испуганно взвизгнула.

– Хочу сказать, – равнодушно ответил я, – что ты ненормальный. Причем и для оркского понимания нормальности, и для человеческого тоже. Но к этому все уже давно привыкли, а мою репутацию попрошу не портить.

– Для психа ты слишком унылый.

– Тебе действительно кажется, что ты меня сейчас задел? – подняв бровь, поинтересовался я.

– Так, ладно, – посерьезнел орк. – Назар, ты лишил меня

карнавала, поэтому должен мне праздник, причем костюмированный.

— Праздник нам всем испортил один ушастый урод, — парировал я, но затем задумался.

А ведь действительно, практически весь карнавал Вечной весны я провел в апартаментах Нисы, пляясь в телевизор. Не называть же развлечением поход в «Золотую фею», закончившийся приступом массового психоза масштабом эдак в пару тысяч разумных.

Может, действительно устроить маленький костюмированный перформанс? Ну не настолько костюмированный, как у орка, но все же позволить себе некую вольность. Мое согласие так обрадовало Бисквита, что я счел это приемлемой жертвой на алтарь нашей дружбы. Правда, от совсем уж диких вариантов отбивался как мог. Сошлись на более или менее приличном варианте. По большому счету подобные костюмы в Белом городе носили многие из тех, кто страдал тягой к ретро. Но после того, как Зеленый нахлобучил мне на голову цилиндр и сунул в руки трость, я стал похож, как говорится, на денди лондонского. Головные уборы мне никогда не нравились, но в особых случаях можно было сделать исключение. Да и выглядел я в итоге довольно прикольно.

Была надежда, что на этом наши маскарадные приключения закончились, но куда там! Как только бисквитовы потанцульки увидели своего дружка в столь экзотическом виде, то завизжали от восторга, и нам пришлось ждать почти час, по-

ка бедная Заряна подгонит для них требуемые наряды. Даже пришлось перекрашивать куцые сюртучки. Зато в итоге перед нами предстала парочка пусть и не близняшек, но очень похожих друг на друга девиц в высоких сапогах, белых лосинах и красных английских мушкетерских кафтанчиках на голое тело. Словно вишенки на тортах, макушки девиц прикрывали миниатюрные треуголки.

Надеюсь, нам не попадутся спесивые англичане. Вид здорового шотландца в сопровождении двух английских солдаток, с которыми он ближе к ночи будет делать много чего непотребного, может задеть глубинные чувства жителей Туманного Альбиона.

– Это уже цирк какой-то, – печально вздохнул я, но понимания у развеселившейся троицы не нашел.

Наконец-то дождавшийся нас лимузин повез необычную компанию в направлении центра города. Солнце уже скрылась за горизонтом, а Белая Женева расцвела огнями, отгонявшими тьму очень далеко и, кажется, навсегда. Границу Серого и Белого городов я пересекал безбоязненно, несмотря на то что притащил с собой волшебную палочку. Иваныч сделал мне разрешение на ношение оной практически по всей Женеве. Но все равно, если надумаю переключить ограничительные кольцо с третьего уровня на первый, срабатывает датчик, и ко мне вскоре подойдут местные жандармы, с целью поинтересоваться, не задумал ли я пошалить в неподобающем месте.

В этот раз в «Голден фейри» я попал с парадного входа. Огромный, похожий на прихожую какого-нибудь богача лифт стремительно поднял нас на уровень главного входа в элитный ночной клуб, занимавший три верхних этажа небоскреба.

Эпатаж начался еще в лифте. Женева по определению не могла страдать ксенофобией, но все равно орки старались держаться подальше от подобных заведений – не потому, что чувствовали себя здесь неуютно, а просто не понимали некоторых человеческих развлечений. На улицах Белого города хватало пришлых, но дорогие рестораны и роскошные ночные клубы их мало интересовали, разве что в профессиональном плане, как ор Кастула – охранника Нисы.

Вместе с нами в лифт вошли два десятка ярко разодетых хуманов обоих полов. Правда, никто из них не использовал тематические наряды. Впрочем, наши костюмы мало кого удивили, зато личность орка в компании двух миниатюрных девушек явно вызвала немалый интерес. Нет, никто не тыкал пальцами и тем более не выражал недовольства, просто воспринимали Бисквита как интересную диковинку. А его шотландский наряд с голыми ногами этот эффект лишь усилили.

То, что нас встретили прямо на выходе из лифта, меня не удивило. Еще пару часов назад Бисквит заказал апартаменты с выходом на нижний танцпол. Я вовремя предупредил его, чтобы не брал ложу на верхней площадке, совмещенной с концертным залом, потому что от видов, с которыми у меня

связаны не совсем приятные воспоминания, вполне могло испортиться настроение.

Не знаю, почему нас встречал именно мужчина, а не какая-нибудь миловидная и сексапильная девица. Возможно, сказывалось то, что орк заказал отдельный кабинет именно на свое имя и тут нужен был спец посерьезнее.

– Мы рады приветствовать вас в нашем клубе, дамы и господа! – вежливо улыбнулся плечистый парень. Несмотря на свою бойцовскую комплекцию, разговаривал он легко и явно был в своей тарелке, исполняя роль хостес. – Меня зовут Антуан, и сегодня я ваш верный помощник. Ко мне вы можете обратиться с любой просьбой, и поверьте, для нас нет ничего невозможного. Хотите пройти в вашу ложу через танцпол или по отдельному проходу?

Честно говоря, мне пока соваться в толпу не хотелось. Нехорошие воспоминания все же давали о себе знать. Бисквит внимательно посмотрел в мою сторону и, увидев неопределенное пожатие плечами, пророкотал:

– Проведите отдельным коридором. Нам пока рано на танцпол.

Потанцульки заняли, но он шикнул на них с явным намеком. Несмотря на всю свою ветреность, девочки они умненькие и сразу все поняли.

Отведенный нам кабинет был не таким шикарным, как тот, в который нас с Нисой пригласил хозяин этого заведения, но все равно выглядел достаточно богато. Даже имелась

точно такая же стеклянная стена, дающая прекрасный обзор на находящийся чуть ниже танцпол. Вечер пока еще не набрал полные обороты, так что объем танцевальной площадки, размерами лишь немногим уступавшей футбольному полю, был занят процентов на сорок.

– Если хотите, можете сделать заказ прямо сейчас, – обратился наш сопровождающий к Бисквиту как к главному заказчику. – Или вызовите меня позже с помощью вот этого звонка.

Бисквит не стал смотреть туда, куда указывала рука парня, и сразу принялся заказывать. Я не особо вслушивался, но и без того было понятно, что сегодня в этом клубе порадуются многие, а вот в оркском стойбище некоторые расстроятся до зубовного скрежета. Впрочем, так им и надо. Когда Бисквит намекнул мне на сумму, которая скопилась на его полностью подвластном старейшинам счету благодаря продаже артефактов, я понял, что, даже проводя такие вечеринки каждый день, он вряд ли потратит и десятую долю всей суммы.

Наш стол начал быстро заполняться сплошными деликатесами, среди которых были настолько экзотические, что я уверен, к ним не притронется никто из нас. Хотя, судя по легкомысленному настроению девочек, все же нужно предупредить Антуана, чтобы позаботился о нормализующих пищеварение декоктах. У орка желудок луженый, может жрать практически все, я достаточно битый жизнью, чтобы не бро-

саться очертя голову в кулинарные эксперименты, а вот Рита с Диной могли начудить. Впрочем, это не то место, где они стали бы обжираться и сидеть за столом сиднем. Заведение элитное, и простых диджеев здесь быть не могло по определению. Поэтому уже через пару минут доносившаяся из-за прозрачной стены музыка зажгла обеих потенцулек, и они потащили Бисквита на танцпол.

Ими же была предпринята попытка прихватить заодно и меня, но, честно говоря, танцор я только по прозвищу, да и настроение пока не то. Может, чуть позже. Так что, отправив друзей танцевать, я просто повернул вращающееся кресло в сторону прозрачной стены и с удовольствием принялся наблюдать за тем, как специально выбравшая место под нашей ложей троица устраивает показательные пляски.

Несмотря на свои габариты и кажущуюся неповоротливость, Зеленый умел двигаться довольно неплохо, что уж говорить о его подружках – профессиональных танцовщицах. Уже через несколько минут они привлекли внимание всех окружающих и устроили маленькое представление в кругу хлопающих им зрителей. С помощью находившегося на столе пульта можно было либо усилить, либо понизить шумоизоляцию в ложе. Так что я добавил звука, чтобы в полной мере насладиться импровизированным шоу.

– У тебя, как всегда, очень необычная компания, – раздался позади голос Нисы, которой пришлось говорить громко, чтобы быть услышанной.

Я быстро усилил шумоизоляцию и развернул кресло. Вставать не спешил, чтобы не понукать гостью к действиям, и правильно сделал. Ниса замерла у входа, настороженно всматриваясь в мое лицо и, казалось, прислушиваясь к собственным ощущениям. Если честно, я ощущал себя как школьник на первом свидании. Дикая неловкость и абсолютное непонимание, что и как говорить. К счастью, она заговорила первой:

– Извини, что долго не давала о себе знать. Я боялась. Боялась тебя и боялась себя.

Со стороны разговор выглядел наверняка странно. Я остался сидеть в кресле, а она замерла в полудюжине метров от меня, явно не решаясь сделать шаг от все еще открытой двери.

– Ну ладно меня, повод есть. А себя-то чего бояться?

Ответила Ниса не сразу, но потом все же решилась:

– Я боялась, что опять почувствую себя слабой, беспомощной и зависимой. Ты не представляешь, как сильно меня тогда к тебе тянуло.

– А сейчас? – не удержался я от вопроса, хотя он явно был не совсем уместен.

Девушка опять задумалась и ответила:

– А сейчас не тянет. Знаешь, этого я тоже боялась. Получается, все было ненастоящим, просто наваждением. Ведь так?

В вопросе чувствовалась напряженность, как и вообще в

позе всегда уверенной в себе звезды шоу-бизнеса. Казалось, что она вот-вот может сорваться с места и убежать.

– Понятия не имею. Могу рассказать только то, что сам знаю о случившемся. Правда, не все, но, чтобы попытаться разобраться в себе, может, и хватит. Как бы то ни было, мы уже вряд ли станем простыми знакомцами. Ведь так? – вернул я ей тот же вопрос.

Она ответила своей коронной искренней улыбкой, которая всегда зажигала такие же у всех окружающих. Я не был исключением, поэтому тоже улыбнулся, наконец-то встал с кресла и тихо сказал:

– Привет.

– Привет, – ответила она и шагнула ко мне.

Наши объятия были легкими, как и приветственный поцелуй – без страсти, просто дань традиции и закрепление этого факта, что мы действительно друг другу не чужие.

– Ну и чем ты можешь со мной поделиться, не рискуя нарушить подписку о неразглашении?

Занятно, что она знает этот термин. Впрочем, звездам шоу-бизнеса наверняка приходится хранить кучу тайн и подписывать подобные документы. Я постарался как можно более внятно пояснить ситуацию с запертой в пирамидальном храме энергетической сущностью, которую эльфы считали богиней Вечной весны. Пару подписок все же нарушил, но посчитал, что она имеет право знать.

Когда я закончил свой рассказ, наступила тишина. Нам

было о чем подумать, особенно Нисе. Я же задумался над своим невезением в плане любви. Заряна, Оля, теперь Ниса – ни с кем из них у меня, скорее всего, и не могло ничего выйти. Впрочем, не складывающиеся отношения – это вряд ли фактор невезения. Тут все намного глубже. О чем-то подобном нас предупреждала психолог из детдома. У тех, кто воспитывался без родительского примера нормального выстраивания отношений между мужчиной и женщиной, проблемы заложены изначально. Особенно в плане доверия. Да и подспудный комплекс неполноценности тоже давал о себе знать. В голову постоянно лезли мысли типа «кто я, а кто она». Пришлось привлекать злость. В чем между нами разница?! Мы оба маги с уникальным даром. Мой даже более редкий. Да, у нее пара миллионов фанатов, но это не то чтобы большая радость. Я задел эту участь бытия лишь краем, и мне хватило. Так что на разный уровень кивать нечего, просто кроме навешанного извне наваждения между нами ничего, по сути, и не было.

Понятия не имею, к чему привели бы наше взаимное молчание и становившаяся все более напряженной неловкость. Возможно, Ниса просто ушла бы, а я не стал бы ее останавливать. Но нелепая ситуация до пика не дошла, потому что распахнулась дверь, и в ложу ввалилась шумная компания из одного орка и двух хуманок. Правда, шумной она была недолго. Все трое прямо на пороге застыли колоритной скульптурной композицией, вытаращив глаза на мою гостью.

– Ниса? – неуверенно пророкотал Бисквит.

– А что, не похожа? – ответила на общем девушка и, словно облегчая орку процесс узнавания, не вставая с кресла, приняла гламурную позу, подмигнула и подарила ему свою знаменитую на полмира улыбку.

Так как вернувшаяся с танцев троица все еще тормозила, Ниса, как обычно, решила взять дело в свои руки:

– Назар, ты не познакомишь меня со своими друзьями?

– С удовольствием. Позволь представить очаровательных Риту и Дину.

Пальцем указывать, кто из них кто, я бы не рискнул, потому что сам их различал исключительно по цвету волос, который мелкие заразы регулярно меняли. Они не были близняшками и даже родственницами, но от этого легче не становилось – слишком уж похожими фигурками и типажом лица обладали. Да и не всматривался я никогда в их лица.

– А вот этого, большого и зеленого, зовут ор Бисквит.

Внезапно явно натренированная улыбка словно застыла, а лицо Нисы вытянулось от удивления. Она посмотрела на меня:

– Только не говори, что это Бисквит – капитан «Кондитеров».

Помнится, Зеленый просил меня особо не распространяться о его киберспортивных успехах перед посторонними, так что я перевел взгляд на него, предоставляя возможность разругать этот вопрос самостоятельно. Кто бы сомневался,

что перед такой личностью, как Ниса, мой друг не удержится от похвалы:

– Да, это я, – жутковато ощерился орк, наконец-то совладав со своими эмоциями. Потанцульки так вообще не могли долго застыть на одном месте, поэтому оттаяли одновременно со своим кавалером.

Ну, тут они были под стать друг другу – все обладали незлобивым и общительным характером. По большому счету самым угрюмым в этой компашке был именно я. Уже через минуту все увлеченно болтали за столом, запивая легкий и приятный разговор чудесным шампанским. Кстати, Ниса оценила выбор Бисквита, который на самом деле основывался лишь на запредельной цене.

Кто бы сомневался, что любопытная и умелая манипуляторша тут же начнет вытягивать из Бисквита секретную информацию. Из потанцулек тащить было нечего, поэтому они тоже быстро превратились в слушательниц, ну а орк заливался соловьем. Когда его рассказы доходили до опасных в плане разглашения служебных тайн подробностей, я аккуратно кашлял, а иногда демонстрировал увлекшемуся другу кулак. Ниса реагировала на мои конспиративные потуги снисходительной, но все же с оттенком упрека улыбкой.

– И вот представьте: вокруг озлобленные русалки, которые совсем недавно сожрали слишком жадного туриста, а этот псих берет и заплывает в затонувшую баржу. Прямо в их святилище! Что тут началось...

Я слушал Бисквита, офигевая от его воображения, которое на основе моего короткого рассказа прорисовывало красочную и абсолютно фантастическую картину.

Выслушав до конца сильно приукрашенный рассказ орка о моей подводной одиссее, Ниса тут же повернулась ко мне и требовательно заявила:

– Я хочу все это видеть.

– Извини, но я ничего не снимал.

Увы, Ниса не из той породы, от которой можно так легко отвертеться.

– Ну там ведь не закрыли туристическую зону? Хочу попасть туда и самой напитать этот артефакт Живой силой. Хочу почувствовать обожание русалок.

Ох уж эта оркская фантазия! А в моей памяти почему-то всплыло не дружелюбие русалок, а оскалившиеся острыми зубками мордашки подводных фей. Желание тащить туда артистку, возжелавшую обожания не только сухопутных, но и подводных фанатов, сразу ушло в глубокий минус.

– Тебе было мало приключений на карнавале? – постарался я урезонить разошедшуюся подругу, но изначально понимал, что дело безнадежное.

Она недобро прищурилась, затем покосилась на орка и заявила:

– Если ты не хочешь, я попрошу Бисквита.

– Ладно, – торопливо сказал я, чтобы не дать времени Зеленому опять приобрести салатный цвет, – но сначала

узнаю, что там и как, а потом сам приглашу тебя на эту прогулку. Нужно еще договориться со зрителями. Не хочу, чтобы нас с тобой тупо сожрали.

— А почему мы сидим тут, как старперы? Пойдемте танцевать! — пророкотал орк с той же торопливостью, с какой я отвлекал Нису от мыслей затащить его под воду. Понимал, зеленая морда, что накосячил, разоткровенничавшись с новой звездной знакомой, и по большому счету подставил меня.

На этот раз отбиться не получилось, пришлось тащиться вместе со всеми на танцпол. Танцую я очень редко, но не скажу, что мне это дело совсем уж не нравится. Просто опять давали о себе знать пацанячьи комплексы, порожденные нелепыми понятиями, в которых отдельной жирной строкой шел девиз: «Мужики не танцуют!» Но танцевать все-таки было прикольно, особенно в хорошей компании. Вряд ли я радовал глаз публики, как Бисквит, зажигающий с двумя потанцуйками, но главное, что понравилось мне. Ну, и чуточку Нисе — в плане поохотать. В общем, нам было весело, и обратно в ложу мы ввалились утомившиеся и с желанием утолить жажду большим количеством шампанского, который мужики пить тоже вроде как не должны.

Увы, и дальше провести вечер в такой же легкой атмосфере не удалось. Возле стола нас дожидался Антуан, державший в руке пачку золотистых билетов.

— Дамы и господа, надеюсь, вы хорошо проводите время, но я хочу сделать ваш сегодняшний вечер еще увлека-

тельное! Блистательный Барнаби приглашает вас в недавно открывшийся бойцовский клуб. Эта привилегия доступна немногим.

Я покосился на Нису. Она пожала плечами и сказала с плохо читаемой интонацией:

– Так себе бойцовский клуб. Хотя иногда там есть на что посмотреть.

Честно говоря, мне эта затея показалась с каким-то душем, но именно из-за интонации наглого Антуана Бисквит и его подружки загорелись желанием попасть туда, куда невозможно пройти, просто уплатив завышенную цену. Лично на меня волшебные слова «закрытый клуб» не подействовали абсолютно никаким образом. Особенно после недавнего прохождения, что называется, медных труб. Но отказать другу не смог, поэтому мы быстро утолили жажду и последовали за нашим провожатым.

Обслуживающий ВИП-ложи коридор имел выходы в отдельную лифтовую систему, недоступную простым посетителям. Впрочем, в заведениях такого уровня даже обычные посетители не были такими уж обычными. Когда мы загрузились в общем-то небольшую по сравнению с основными лифтами кабину, Антуан приложил к сенсору пачку билетов, и мы, к моему удивлению, поехали не вверх, а вниз. Похоже, ночной клуб либо расширился, либо изначально занимал больше, чем три этажа.

Спуск был недолгим, и как только открылась дверь, в ка-

бину ворвался шум, совсем не похожий на обычную дискотечную какофонию. Народ орал, свистел и вообще вел себя как стая обезьян. Впрочем, не только обезьян. К моему удивлению, в отличие от заведения наверху, здесь хватало и пришлых. Если изысканная жратва и дергание под непонятную музыку пришельцев из другого мира не привлекали, то понаблюдать за хорошей дракой любили и орки, и гоблины. Я даже заметил парочку эльфов той породы, что больше напоминала людей, чем, так сказать, ортодоксальных ушастых.

По большому счету помещение было не очень большим, словно подчеркивая тот факт, что сюда попасть может не каждый. Пол шел уступами, поднимавшимися ближе к стенам, а в середине этой ступенчатой чаши находился самый настоящий бойцовский октагон, в простонародье именуемый клеткой. Что интересно, нигде не было видно ни столиков, ни закрытых лож. Зрители толпились, стараясь подойти к рингу поближе, но пространство вокруг него было ограничено специальными стойками.

Похоже, билеты в руках нашего провожатого имели особый статус, поэтому мы сразу вышли на ограниченный такими же стойками проход, явно предназначенный для выхода бойцов из раздевалок, и подошли вплотную к рингу. Из не такой уж большой толпы – вряд ли больше пары сотен разумных – за ограждение к октагону пропустили всего человек двадцать. Похоже, это был какой-то закрытый клуб внутри закрытого клуба.

Народ жутко шумел, так что нашему сопровождающему пришлось почти кричать:

– Господа, – обратился он явно исключительно к нам с Бисквитом, – есть ли необходимость объяснить суть происходящего?

Я не стал строить из себя всезнайку и утвердительно кивнул.

– Наш хозяин был озабочен частыми разборками прямо на танцполах, поэтому решил перевести эти дуэли в более цивилизованную, а главное, безопасную форму и создал этот клуб. Доступ сюда получают не только самые уважаемые гости, но и самые драчливые, правда исключительно в качестве бойцов. Впрочем, любой из ВИП-гостей тоже может участвовать и показать свою удаль.

В принципе, я о чем-то таком и догадывался, потому что дерущиеся в октагоне парни на профессиональных спортсменов совсем не похожи. Им явно не хватало физической подготовки и техники. Зато экспрессия там была через край. Из экипировки бойцы использовали перчатки для боя без правил. Кроме перчаток еще и боксерские трусы. Скорее всего, шлемы подпившим бузотерам даже не предлагали. С уровнем местной медицины о мелких травмах можно было не беспокоиться, зато какая зрелищность!

Тут не было никаких боксерских танцев, осторожных подскоков и уходов. Два не очень крупных мужчины месили друг друга с яростью биндюжников, что-то не поделивших

после изрядной попойки. Они успели поразбивать друг друга лица, и кровь летела брызгами во все стороны. Скорее всего, оба были серьезно подшофе и боли не чувствовали, но все же достаточно трезвыми, чтобы более-менее двигаться и не путаться в собственных ногах.

Честно говоря, я не понимал ни смысла, ни правил этого зрелища, вызывавшего во мне лишь чувство безглагоульства. Взгляд на Бисквита показал, что он растерял весь свой восторг и смотрел на побоище достаточно мрачно, особенно потому что его подружки визжали в диком восторге вместе со всей толпой. Затем я посмотрел на Нису. Помнится, она просила меня отвести ее куда-нибудь, где дерутся модификаты, причем ей хотелось видеть именно смертные поединки. В Серой Женеве таких мест не было, а вот в челоуейниках подобной жести хватало. Я тогда недвусмысленно намекнул, что не собираюсь помогать ей в поисках подобных развлечений. И вот сейчас мне было интересно, как заходит изнеженной дамочке подобное зрелище.

Восторга на красивом лице я не увидел. Она оставалась равнодушной, лишь иногда морщилась, когда удары соперников оказывались особенно удачными. В смысле удачными для разгоряченных зрителей – с чавканьем и разлетом кровавых брызг. От этого зал впадал в еще больший экстаз. Я невольно активировал свой дар и ощутил, что энергия разрушения присутствовала здесь в низкой концентрации. Убить самому, причем осознанно, и просто желать чужой смерти

ради своего удовольствия — слишком разные явления. Чтобы породить энергию разрушения, нужно быть прирожденным убийцей, как Йохан или Бенедиктус, а тут собрались жалкие особи, пытающиеся зрелищем чужой боли заполнить соющую пустоту в своей душе. Даже у бойцов имелась лишь первичная, короткоживущая ярость без малейшего желания убивать.

И вообще, мне совершенно непонятно, почему эти два идиота еще стоят на ногах, а также сколько этот маразм может продлиться. Словно ответом моим мыслям прозвучал боксерский гонг. Рефери тут же растащил дерущихся, причем кроме непосредственно контролирующего судьи после гонга в клетку зашли два орка, я бы сказал, для надежности.

Бойцы еле держались на ногах, но одному из них явно по голове прилетело меньше, чем другому, или же он был просто не настолько пьяным и одуревшим. Он даже не стал присаживаться на приготовленный стульчик, а что-то сказал одному из своих секундантов, который тут же метнул висевшее на шее полотенце в центр восьмиугольника.

Ну вот, хоть у кого-то мозги заработали. Получается, Барнаби все же решил не жестить и установил правила, по которым бойцы могли прекратить бой по своему желанию в любой момент, ну или после гонга. Имелось у меня подозрение, что такое желание появилось у обоих драчунов с первых же секунд схватки, но упрямство и нежелание прослыть трусом сдерживало их некоторое время.

Зал закономерно разразился недовольными криками, которые, благодаря усилителям, были перекрыты невозмутимым голосом рефери:

– Победу признанием своего поражения противником одержал Могучий Бык.

Чужак с погремухой, порожденной залитыми алкоголем мозгами, мало того что не выглядел как Бык, он еще и победителем не очень-то казался. Мужик держался из последних сил и, осознав, что драться больше не придется, буквально рухнул на руки своих секундантов.

После легкого и беззаботного развлечения с приятными людьми все эти звериные реакции окружающих нас зрителей и совсем уж животное поведение бойцов серьезно испортили настроение. Появилось желание уйти, но его размыло появление на ринге новых персонажей.

Залитую кровью и слюнями поверхность быстро очистили и даже протерли досуха, а затем на пружинящий помост октагона вышли три пары акробатов. Вот чего у Барнаби не отнимешь, так это умения устраивать по-настоящему интересное шоу. Причем способное порадовать людей с совершенно разными вкусами. Вот и сейчас – нашей компании зрелище взаимного избиения двух придурков не принесло большого удовольствия, зато мы по достоинству оценили маленькое шоу, устроенное акробатами. Это было нечто похожее на выступление групп чирлидеров, но с большим эротизмом. Причем этого самого эротизма было так много, что Ниса де-

монстративно взяла меня под руку, а обиженные потанцульки буквально повисли на своем зеленом друге, который откровенно пялился на импровизированную сцену. Шум в зале стих, превращаясь в негромкий ропот. Между зрителями начали ходить девушки-коробейницы, предлагая напитки, закуски и легкие наркотические декокты. Впрочем, никто не собирался позволять надолго застаиваться жаждавшему зрелищ и крови стаду. В центре ринга снова появился рефери, явно совмещающий обязанности с конференсье.

– Итак, господа! – завопил он на общем. – Представляю вашему вниманию следующую пару бойцов. Встречайте! Кровавый Гризли!

Зал наполнили звуки какой-то композиции в стиле очень тяжелого металла, в котором я абсолютно не разбираюсь. Звучало все жестко, да и появившийся в проходе весь татуированный здоровяк с явным избытком веса и не омраченной интеллектом рожей гармонично дополнял и музыкальное сопровождение, и озвученную кликуху. Зал взвыл. Охочим до чужой крови зрителям явно понравился новый персонаж. Музыка закончилась, и Гризли в сопровождении секундантов начал устраиваться в одной части октагона. Тут же подал голос рефери:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.